

РОБЕРТ БРЫНДЗА

ОТ ТЕБЯ.
БЕГУ
К ТЕБЕ

От автора бестселлера «Девушка во льду»

Жизнь прекрасна! (АСТ)

Роберт Брындза
От тебя бегу к тебе

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Брындза Р.

От тебя бегу к тебе / Р. Брындза — «Издательство АСТ»,
2015 — (Жизнь прекрасна! (АСТ))

ISBN 978-5-17-116878-0

Натали Лав переехала из маленькой деревни в Лондон и добилась успеха: она руководит известным театром, ей даже удается привлечь в свою команду одну из главных звезд Голливуда – Райана Харрисона. Жизнь Натали состоит из работы, парня, заикленного на йоге, и эксцентричной гламурной бабушки, у которой всегда наготове мудрый совет и огромная миска гуляша. Но все меняется, когда на пороге ее театра появляется Джейми, ее бывший жених, которого она бросила у алтаря пятнадцать лет назад. Он продюсирует шоу в Вест-Энде и, кажется, пытается переманить у нее Райана Харрисона! Но что, если за шутками, упреками и забавными столкновениями героев кроется нечто большее, чем просто соперничество?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116878-0

© Брындза Р., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Действующие лица	6
Акт первый	13
Ключ	13
Райан Харрисон	22
Слово на букву М	29
Одинокая форель	34
Распроданы	37
Это воскресное чувство	40
Женщина в черном	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Роберт Брындза

От тебя бегу к тебе

*Эта книга посвящается всем, кто не боится мечтать и имеет
смелость воплотить свои мечты в реальность.*

© Robert Bryndza, 2015

© Павлова И., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Действующие лица

Мое свадебное платье сгорело быстро.

В тот летний денек – день моего венчания – я стояла в поле за домом на нашей ферме вместе с мамой, бабушкой и своей лучшей подругой Шэрон.

До двух часов пополудни оставались считанные минуты. А в два часа (как утверждали мои свадебные приглашения) должен был начаться официальный прием. Так что мне уже следовало сидеть за главным столом – рядом с моим прекрасным новоиспеченным мужем по имени Джейми. И внимать речи, из-за которой мой папа не находил себе места последние несколько недель.

Но вместо этого я не сводила взгляда со старой бочки. И с нездоровым любопытством наблюдала за тем, как завивались и закручивались кружева и атласные складки на моем свадебном платье. Затем они превратились на миг в карамель, а потом резко сморщились, опалились и воспламенились с легким свистом.

Языки пламени взметнулись высоко-высоко, и в их жарком чаду холмы на горизонте подернулись рябью и нервно искривились.

– Натали... Что ты делаешь? Это же безумие! – вскричала мамуля.

– Я даже не сфотографировала тебя в нем, – удрученно вздохнула Шэрон, на запястье которой болтался фотоаппарат. Она все еще была в персиковом платье подружки невесты.

– Это был всего лишь платье, Натали, и ты походить в нем на кремовое *пирожное*, – проворчала, закуривая, бабушка. Изящно щелкнув золотистой зажигалкой, она ловко запихала ее обратно в карман своей шубы. Моя бабуля, Анушка, – венгерка. Она приехала в Англию еще совсем юной девушкой, но так и не потрудилась избавиться от своего акцента.

– И как только у тебя язык повернулся такое ляпнуть! – укорила ее мама. – Натали в нем выглядела бесподобно!

– Она выглядеть в нем как бесподобное кремовое *пирожное*, которому уготована одна участь – быть сожранным, – возразила бабуля. – Разве так она хотеть начать свою жизнь замужней женщины – сладкой, но ничего не значащей штучкой?

– А ты знаешь, сколько времени и сил потратила наша старая миссис Гаррет, чтобы пришить все это кружево? И в какую кучу денег обошлось нам это платье! – возбудилась мамуля. – Появись я здесь на пять минут пораньше, я бы не позволила его сжечь!

Ветер изменил направление и окутал нас едкой завесой дыма. Мы закашлялись и замахали руками.

– Натали не хотеть выходить замуж! И если на то пошло, за платье заплатила я... – огрызнулась бабушка.

– Но это не давало тебе право его сжечь. Я бы предпочла его сохранить, – заявила мама.

– Ну да, конечно, только чтобы напоминать бедной девочке о том, что, по твоему мнению, она должна была пройти через все это! – язвительно пробурчала бабуля.

С противными шипящими хлопками языки пламени устремились к фальшивым жемчужинам на лифе.

Онемевшая от шока, я продолжала молчать, не в силах выдавить ни слова. А мамуля снова раскрыла рот:

– О чем ты думала, Натали? На виду у доброй половины деревни ты под руку с отцом продефилировала по проходу в церкви к алтарю, а через две минуты после этого пронеслась по нему назад и выбежала на улицу.

– Я решила, Нат, что у тебя скрутило живот, – вставила Шэрон.

– Как я теперь покажусь на глаза людям? Какой срам! И бедный Джейми! Такой красивый, замечательный мальчик! – воскликнула мама.

– Энни, смотри на вещи объективно, – одернула ее бабушка, швырнув окурок в бочку. – Разве я не говорю тебе, что Натали слишком юна для замужества? Нашей девочке всего девятнадцать. Ей еще только предстоит узнать большой мир... – Прищурившись от солнца, бабуля глянула на меня. – У тебя впереди целая жизнь, моя дорокая. Тебе следует присмотреться к нескольким мужчинам, оценить их, примерить на себя...

– Еще чего не хватало! Примерять на себя мужчин... – прошипела мама. – Ей нужно...

– А как насчет того, чего хочу я? – внезапно вырвался из меня дикий вопль. – Вы все рассуждаете обо мне так, словно меня тут и нет! Вы хоть раз можете побыть нормальной семьей? И попытаться понять, что я чувствую? Все, что ты делала, – это кричала и убеждала меня сжечь свадебное платье! – накинулась я на бабулю.

– Если ты не хочешь, чтобы я его сожгла, ты должна была подать голос, – заявила бабушка.

– Как будто у бедной девочки был выбор! Если тебе что-то взбредет в голову, тебя не остановить! – парировала мама.

Воцарилось неловкое молчание. Шэрон наклонилась и взяла мою руку.

А в следующий миг я заметила папулю, осторожно пробиравшегося к нам по грязному полю. Он все еще был в своем праздничном костюме и роскошных ботинках. Приблизившись к нам, папа заглянул в бочку и явно не поверил собственным глазам. Мое платье к этому моменту уже превратилось в почерневший бесформенный комок.

– Черт подери, это что?.. – заговорил папа, но мама быстро его перебила:

– Мартин, мне показалось, будто ты собирался переодеться. – Она похлопала по лацканам его фрака, стряхивая с них воображаемую грязь.

– Я хотел уточнить, что мне делать с моими родителями, – отстранившись от нее, признался папа. – Я оставил их в отеле «Трэвелодж». Но они желают знать, будет ли у нас праздничный обед в пабе?

– Ну, конечно же, не будет!

– По правде говоря, у меня все это в голове не укладывается, Натали. Джейми сделал что-то не то? – поинтересовался папа.

И все разом повернулись ко мне. В ответ я открыла рот, но за несколько секунд из него не вылетело ни звука. И только потом мне удалось поднатужиться и выдать:

– Просто... просто я не чувствую себя готовой...

Мои слова прозвучали плаксиво и патетично.

– А когда ты почувствуешь себя готовой? – взвизгнула мамуля. – Завтра? На следующей неделе? Не мешало бы нам это узнать, когда мы готовились к чертовой свадьбе.

– Я вам все компенсирую, все до копейки, – сказала я.

– С каких это шишей? – озадачилась мама. – Откуда ты возьмешь деньги? В министерстве социального обеспечения? У тебя же нет работы. Ты провалила все экзамены, потому что влюбилась в Джейми. Ты хоть понимаешь, что ты наделала?

– Конечно, я понимаю, что я наделала! – выкрикнула я. – Или ты думаешь, что я это сделала исключительно назло тебе?

– Сейчас я уже ни в чем не уверена! Похоже, ты способна на все! – прорычала она. – Глаза бы мои на тебя не глядели!

– Тебе следует успокоиться, Энни, – произнес папа, водрузив на мамино плечо свою руку.

– Не смей говорить, что мне следует, – стряхнула ее мамуля.

– Она и в детстве была легковозбудимой, – констатировала бабушка, смерив маму бесстрастным взглядом. – Я даже иногда по утрам добавлять ей в овсянку немножко своего валиума... ради тишины и покоя...

Мамуля отошла от папы и пошагала назад к дому.

– Прости, что я так и не послушала твою речь, – сказала я папе.

Он бросил взгляд на обугленное платье, помотал головой и побрел за мамой. Слезы тихо заструились по моему лицу. Бабушка вытащила из своей сумочки кружевной носовой платочек и подала его мне.

– Хочешь побыть одна, Натали? – спросила она меня.

Я взяла ее платок, приложила к лицу и кивнула.

– Пошли, Шэрон, – позвала мою подругу бабушка.

Шэрон улыбнулась и пожала мне руку. Они последовали за мамой и папой, бывшими уже на полпути к дому. А я схватила палку и ткнула ею в почерневший комок в бочке. Палка зацепилась за него своим кончиком, и из бочки я ее вытащила вместе с ленточкой оплавленной ткани.

После бегства из церкви Святой Вирсавии я оказалась на безлюдной проселочной дороге. Рядом со мной остановился местный автобус – наверное, потому, что людям не часто доводится видеть на обочине невесту в свадебном платье и фате, которая машет руками как сумасшедшая. У меня не было с собой денег, и за билет я расплатилась собственным букетом (по окончании смены водитель собирался навестить свою тетю в больнице, и цветы пришлись ему как нельзя кстати). Традиция требует, чтобы у невесты было в день свадьбы что-нибудь старое, что-нибудь новое, что-нибудь чужое и что-нибудь голубое... И почему-то никому не приходит в голову, что ей не помешало бы иметь при себе еще и немного наличных – на тот случай, если она раздумает выходить замуж...

Когда я зашла на кухню, мама готовила крепкий чай, ложку за ложкой отправляя в заварочный чайник скрученные листики. Папа наконец переоделся и занял свое место за столом рядом с бабушкой и Шэрон. Они молча разглядывали замысловатые ярусы моего свадебного торта, стоявшего посередине стола.

– Его принесла сюда работница паба, – сконфуженно-извиняющимся тоном пробормотала Шэрон. Я поглядела на безукоризненную королевскую глазурь, увенчанную короной из желтых сахарных розочек. А мама подошла ко мне и протянула длинный нож.

– Хочешь, чтобы я его разрежала? Прямо сейчас? – спросила я.

– Да, а что останется, придется заморозить. Мы его весь не съедим, – сказала она.

– Энни, Натали не нужно резать его прямо сейчас, – встрял папа.

– Да что ты говоришь, Мартин? Неподходящий момент? Так? Натали с радостью позволила бабуле предать огню свое свадебное платье. А когда наступит подходящий момент для... – Мамину тираду оборвал стук в заднюю дверь. За матовым стеклом замаячило пятно персикового цвета.

– Микки! Мы забыли о Микки! – вскричала мама и, бросившись к двери, открыла ее. На пороге стояла моя четырнадцатилетняя сестра в своем платье подружки невесты. В руке Микки держала белые туфли, которые она благоразумно сняла, чтобы не извозить в грязи подъездной дороги.

– Микки, куда ты ходила? – спросила сестрицу мама. И расстелила на полу у порога газету. Микки прыгнула на нее.

– И она еще говорит мне, что я быть плохой матерью, – пробурчала бабушка, закуривая очередную сигарету.

– Я погуляла по кладбищу, а потом меня подвез человек, который копает могилы. У него в багажнике лежат лопаты! – восторженно выпалила Микки.

– Видишь, Энни, Микки всего четырнадцать, а она уже выискивает интересных мужчин, – сказала бабушка.

– Ох, да заткнись ты уже! – буркнула мама. Затем подошла к мойке, наполнила теплой водой тазик и поставила его у двери. Микки стала мыть ноги, а мы молча наблюдали за ней.

– И что случилось с нашей Нат? – любопытствовала она, вскинув на меня вопросительный взгляд. – Я думала, что вы с Джейми очень любите друг друга!

Последовала тишина. А потом я подпрыгнула, потому что зазвонил телефон. Папа встал, ответил на звонок и тут же вернулся.

– Это тебя, Натали. Джейми.

Я замотала головой.

– Он на дороге, звонит по мобильному. Говорит, что не уйдет, пока ты с ним не переговоришь, – попытался втолковать мне папа.

– Бедный парень! Ты должна с ним объясниться, хотя бы ради приличия, – заявила мама.

– Ладно... Скажи ему, что я выйду, – вздохнула я.

И обула резиновые сапоги. Мама попыталась пригладить мне волосы. Но я отбросила ее руку и вышла из дома.

Джейми стоял в своем свадебном костюме за калиткой, в самом конце дороги – высокий, стройный и красивый до замиранья сердца. В его петлице все еще торчала роза с веточкой гипсофилы, а в каштановых волосах отражалось золотыми бликами солнце. Хлюпая сапогами по грязи, я обреченно пошагала к нему.

– Что за фигня, Нат? – спросил Джейми, когда я приблизилась к воротам.

– Я... очень сожалею.

– И только-то? Ты сожалеешь? – Джейми отворил калитку и собрался зайти. Подняв вверх руку, я вышла на дорогу и, прикрыв за собой калитку, встала с ним рядом.

– Я не готова... – изрекла я.

– Как это ты не готова? Ты же надела платье, села в машину... Ты же прошествовала по церкви к алтарю! – засыпал меня вопросами Джейми.

В ответ я только молча уставилась на него.

– Ты хоть понимаешь, какое унижение я пережил? Музыканты все играли и играли этот долбаный Свадебный марш... они думали, что ты вернешься... Как, впрочем, и все мои родственники... Мои кузины прилетели из Канады. Билеты на самолет обошлись им в целое состояние!

– Когда я сказала, что не готова, я имела в виду... – попробовала объяснить я, но Джейми не дал мне договорить:

– Мои кузины полетят назад через неделю. Тетя уже пытается меня вопросом, сможем ли мы это сделать в какой-нибудь другой день...

– Сделать что?

– Как что? Пожениться! Тетушка Джин призналась, что перед свадьбой с дядей Полем у нее был жуткий мандраж. Она готова была вытворить то же, что и ты... сбежать... Но они прожили в счастливом браке уже тридцать пять лет.

Я посмотрела на красивое лицо Джейми. Он так хотел, чтоб я ему сказала: «Да, мой любимый, виноват предсвадебный мандраж!»

– Нет, это другое, – тихо проговорила я.

– Что?

– У меня не мандраж случился... Я просто поняла, что не хочу замуж. Скажем так: я не хочу выходить замуж именно сейчас.

– А когда ты захочешь выйти замуж? – поинтересовался Джейми.

– Не знаю, Джейми... Может быть, завтра. Может быть, на следующей неделе или через месяц... А может, и в тридцать пять лет. Но именно сейчас я замуж выходить не хочу!

Лицо Джейми стало мрачнее тучи.

– Я думал, что мы любим друг друга, – сухо процедил он.

– Так и есть, но ты не находишь, что все изменилось – раз мы уже не пойдем в университет вместе? Мы планировали уехать из дома, выбраться отсюда и начать новую жизнь.

– Мы можем пересдать экзамены, – сказал Джейми. – Попробовать поступить в университет в следующем году.

– Колледж, в котором можно пересдать экзамены, находится отсюда очень далеко. У нас нет ни машины, ни денег. А если я ненароком забеременею?

– А что в этом плохого?

– Как что? Мы будем без работы, без дома, да еще и с ребенком...

– Мы могли бы пожить у моих родителей.

– Где? В твоей спальне с креслом-мешком и постерами «Звездных войн»?

– Или у твоих родителей.

– Ну уж нет! – взвилась я. – Мне бы не хотелось, чтобы новорожденный малыш оказался в лапах этих психов...

Джейми поневоле рассмеялся. На его лоб упала прядь волос, и я рукой убрала ее ему за ухо.

– Просто я поняла: если мы поженимся сейчас, мы упустим жизнь. Мы были такими дураками! Мы совсем не готовились к экзаменам. Проводили все свое время...

– Трахаясь? – слабо ухмыльнулся Джейми.

– И не только... мы еще ходили в кино, на прогулки, – добавила я.

– И во время этих прогулок, и в кино тоже трахались. Ты выглядела очень счастливой, – снова усмехнулся Джейми. А потом наклонился и собрался меня поцеловать.

– Джейми, пожалуйста, взгляни на все это по-взрослому. Я стараюсь рассуждать серьезно...

– А я, значит, – незрелое дитя, да? – отстранился от меня Джейми. – Почему ты не заикалась об этом, когда наши семьи стали готовиться к свадьбе?

– Все были так возбуждены и увлечены этими приготовлениями... И мне казалось, что еще не наступил подходящий момент... пока... – запнулась я.

– Пока ты не дошла до алтаря? – закончил за меня Джейми. Я вытянула руку и схватила его за локоть.

– Ты совсем не беспокоишься о будущем? О том, как обернется твоя жизнь? – спросила я. На лице Джейми отобразилось замешательство.

– Не знаю... Я действительно об этом никогда не думал...

– То-то! А я думала. И я хочу достойную жизнь, с карьерой и перспективами!

– Прекрасно! Значит, жизнь со мной для тебя недостаточно хороша?

– Речь не только о тебе. Я не хочу здесь застрять, в этой чертовой деревне! Я не хочу быть просто твоей женой и завязнуть здесь навечно! – выкрикнула я, заставив проезжавшую мимо нас седовласую даму завилать на своем допотопном велосипеде.

– Натали. Ты согласилась выйти за меня замуж! – взревел Джейми, утратив последнее терпение и стиснув мою руку. – Ты не можешь так со мной поступить! Ты не можешь пойти на попятную!

Я отскочила от него, потеряла равновесие и шлепнулась на пятую точку. Несколько секунд я просидела на ней, погружаясь все глубже в грязь и ощущая, как намокают мои трусики.

– Извини, – пробормотал Джейми, помогая мне подняться.

Встав, я застыла на месте. Джейми провел пальцем по воротнику своей рубашки. Он выглядел таким хорошеньким в своем праздничном костюме!

– Значит, это твой окончательный ответ. Ты не выйдешь за меня замуж?

– Нет, – почти прошептала я.

– Отлично, – сказал Джейми. – Значит, ты меня больше никогда не увидишь.

– Я вовсе не этого хочу!

– Все просто. Либо ты меня хочешь, либо не хочешь! – с вызовом выпалил Джейми.

- Ты что это? Удумал меня шантажировать? Или свадьба, или ничего? – спросила я.
- Да, – кивнул Джейми. – Или свадьба, или ничего...

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Джейми ждал от меня ответ, а я его дать не могла. Внезапно он резко повернулся и зашагал прочь, через дорогу, к лужайке у паба.

Мне следовало пойти за ним. Мне надо было броситься за ним и остановить. Но что-то удержало меня на месте. Я проводила Джейми взглядом. А когда он скрылся за углом, явно направившись в паб, я вдруг разревелась, как маленькая. Несколько минут я держалась за калитку, пытаюсь подавить истеричные всхлипы. И только взяв себя в руки, я побрела обратно к дому. Но не успела я приблизиться к задней двери, как ее распахнула мама.

– Ну что? Все хорошо? – с надеждой улыбнулась она. И придержала меня за локоть, чтобы я, снимая сапоги, не потеряла равновесие.

- Все кончено, – ответила я.

Мама зашла в приступе бешенства. И раскричалась как сумасшедшая, пока все остальные молча смотрели на нас. Она кричала, что я никогда не найду себе мужа достойнее Джейми, что я выставила себя полной дурой и опозорила всю нашу семью и что ей теперь остается только одно – лечь в постель и сдохнуть от стыда.

- Ладно уж, Энни, угомонись! Хватит! – крепко ухватил маму за руку папуля.

– Я думать, у Натали все сложится как надо, – сказала бабушка и загасила свою сигарету в вазе для фруктов. – Ей нужно смотреть мир! Мне повезло это сделать, когда моя семья бежать от нацистов...

– Тебе не нужно было бежать! – выкрикнула мама. – Венгры были союзниками нацистов! И ты всегда говорила, что считала Гитлера красавчиком.

– Не мели вздор, Энни!.. – рявкнула бабушка. – Я считать красавчиком Гимmlера. И будь Гимmlер главным, нацисты преуспеть гораздо больше.

– Ты слышишь это, Мартин? – обратилась мама к папе. – И это говорит женщина, под чьим присмотром мне пришлось взрослеть! Не удивительно, что мои нервы на пределе!

Бабушка встала. С минуту она изучала мой свадебный торт. А потом выдала:

– Натали, я планировать после твоей свадьбы поехать в Лондон, пожить у своего друга Пауло. У него квартира в самом центре... Хочешь поехать со мной?

- В Лондон?! – воскликнула мамуля. – На кой ляд ей туда ехать?

– Мне кажется, Натали необходимо отдохнуть, обождать, пока улягутся страсти, – объяснила бабушка.

– Отдохнуть? – переспросила я. Мысль о том, чтобы оставаться в Девоне и наблюдать за тем, как мою несостоявшуюся свадьбу заволакивает грибовидное облако кривотолков, вызывала во мне неподдельное беспокойство.

– Считай это торжеством совершеннолетия, – хмыкнула бабушка. – Дом Пауло всегда открыт, там с радостью привечают гостей. Пауло играет на кларнете в Лондонском симфоническом оркестре.

- А кто оплатит эту поездку? – полюбопытствовала мама.

- Я позабочусь о Натали, – заверила ее бабушка.

– Может, мне действительно поехать? Ненадолго? – подала я голос. Бабушкина идея вдруг показалась мне спасением.

Мамины губы поджались и вытянулись в тонкую струнку.

- Она уже взрослая, – сказал папа.

- Ты могла бы взять с собой и подружку, – показала пальцем на Шэрон бабушка.

- Правда? – вскричала та. – Вау! Я никогда раньше не бывала в Лондоне.

- А я? – встряла Микки. – Я могу поехать в Лондон?

- Тебе нужно ходить в школу, Микки, – сказала мама.

– Это несправедливо! Почему Натали поедет в Лондон, а я нет? Ненавижу вас! – выпалила Микки.

– Микки, дорогая, ты обязательно поедешь в Лондон с бабушкой, когда станешь постарше, – постарался утешить ее папа.

– Даже если я не сбегу от жениха у алтаря? – уточнила Микки.

– Гм... ну да, – подтвердил папа неуверенно.

Воцарилась тишина. Бабушка подошла и обвила нас с Шэрон руками.

– Решено! – резюмировала она. – Вы ехать со мной в Лондон, да?

Я посмотрела на сияющее от восторга лицо Шэрон и кивнула:

– Ладно, мы едем в Лондон!

В тот же вечер мы уехали в столицу. И с тех пор я редко возвращалась назад.

Акт первый

Пятнадцать лет спустя...

Ключ

Я проснулась рано, когда лучи летнего солнышка, просочившись в окно, испещрили веселыми квадратиками стену спальни в моей квартире. Я потянулась и села на кровати. Мой бойфренд Бенджамин продолжал дрыхнуть рядом со мной. Покосившись на него, я легонько провела пальчиками по мускулистой мужской спине. Веки Бенджамина дрогнули под длинными черными ресницами, но сам он не пошевелился.

Прилив возбуждения в предвкушении нового дня вышвырнул меня из постели. Я побыстрому приняла душ, натянула на себя свободное летнее платье и отправилась готовить завтрак.

Квартира у меня крошечная, а кухонька маленькая, как камбуз на судне – вытянутая и узкая, все необходимое расположено вдоль стен: плита, холодильник, стиральная машина, микроволновка. Чтобы не разбудить Бенджамина, я тихонько притворила за собою дверь. В торце кухни, под длинным окном, выходящим во двор нашего дома, у меня установлена маленькая барная стойка, на которой я держу свою косметику, фен и выпрямители для волос. Я засунула капсулу в кофеварку и воткнула в сеть выпрямители. Я ненавижу свои кучерявые волосы и трачу кучу денег на средства, способные их укротить. И уже научилась мастерски с ними справляться – я делаю себе прическу всего за двадцать минут! Когда выпрямители нагрелись, я включила негромко радио и, покачиваясь под музыку и попивая кофе, принялась сушить и укладывать волосы.

Обуздав свои кудри, я решила отключить свой ноутбук, «Блэкберри» и «Киндл» от их домодеальной зарядной станции на полу у холодильника. И только я к ней наклонилась, как дверь на кухню распахнулась и ее порог переступил Бенджамин, протирающий глаза, в одних семейных трусах.

– Прости, я тебя разбудила? – спросила я, запихивая все подряд в свою безразмерную сумку.

– Нет... Ммм. Ты выглядишь прекрасно. *Намасте*, – прорычал Бенджамин, обвивая мою талию руками и притягивая меня к себе. Он очень высокий; я ему по плечо. И стоило ему прижать меня, как я ощутила исходящее от его тела тепло. Подняв руку, я провела пальцами по его коротким волосам с легкой проседью. А его руки скользнули вниз к моим бедрам и начали задирать подол платья. Бенджамин наклонился и поцеловал меня, а затем чуть-чуть отстранился и сверкнул на меня недовольной улыбкой.

– Ты почистил зубы перед завтраком, – заметила я.

– Да, – подтвердил он и опять притянул меня к себе.

– Я не могу, Бенджамин, – пролепетала я. – Мне нужно идти на работу...

– Какая у нас занятая девочка, – буркнули его сердито надутые губы, но руки расцепились и выпустили меня на свободу.

– Вряд ли меня можно назвать девочкой, Бенджамин, – пробормотала я, убирая в сумку солнечные очки.

– Ну да, тебе скоро сороковник... держись, – произнес он и вышел из кухни.

– Мне только тридцать пять! – прокричала я ему вдогонку, глянув на свое отражение в хромированном чайнике. Потом выждала пару минут и, посмотрев на часы, направилась в спальню.

– Что ты делаешь? Мне надо идти! – рявкнула я. Бенджамин пристроился на краю кровати и, открыв свой рюкзак, принялся выкладывать из него свою одежду, ноутбук, ботинки и плотно набитый пакет с туалетными принадлежностями.

– Почему бы тебе не оставить здесь хотя бы свой пакет для душа? – спросила я. – А я бы могла оставить у тебя свой? Те же выпрямители для волос? Мы таскаем через весь Лондон столько вещей, чтобы повстречаться друг с другом...

– Натали, – вздохнул Бенджамин, роясь в своем рюкзаке. – У нас должно оставаться собственное пространство. Это возбуждает...

– Меня совсем не возбуждает паковать мини-чемодан на колесиках каждый раз, когда я собираюсь у тебя заночевать, – парировала я.

Бенджамин продолжил копаться в рюкзаке. На ковре рядом с ним выросла приличная горка вещей. Наконец Бенджамин отыскал на дне рюкзака пластиковый футляр. Он открыл его и извлек на свет божий шариковую ручку и один из рекламных буклетов, которые он напечатал для своей студии йоги. Под логотипом «БЕНДЖИ ЙОГА» он нацарапал адрес своей электронной почты и дописал: «Для Райана Харрисона – конфиденциальность гарантируется». А потом протянул буклет мне.

– Бенджамин! – воскликнула я, скрестив руки.

– Натали, ты обещала мне, что передашь это Райану Харрисону.

– Обещала... Но только не сегодня, черт возьми. Через пару дней.

– Ну да, конечно, а он за эту пару дней найдет другое место для занятий йогой.

– Мы даже не знаем, занимается ли он йогой.

– Райан Харрисон – очень известный телеактер из Лос-Анджелеса. Поверь мне: он занимается йогой!

Бенджамин встал с кровати и взял мою голову в свои руки.

– Ты – театральная директор, Натали, босс. Я доверяю тебе. Я знаю – ты все сделаешь правильно... Мне это будет выгодно, а значит, это будет выгодно нам обоим. Возможно, я пересмотрю свою позицию и разрешу тебе оставить кое-какие вещи в моей квартире.

– Ладно, – сказала я, забирая у него буклет. – Я сделаю все от меня зависящее.

– Спасибо тебе, Натали. *Намасте.* – Бенджамин наклонился и поцеловал меня, а затем начал снова паковать свой рюкзак.

– Знаешь, ты мог бы пойти сегодня вечером со мной на презентацию. Шэрон тоже придет... – заикнулась я.

– Мне не хотелось бы пропускать свой мастер-класс по медитации. Он для меня очень важен, – заметил Бенджамин.

– Но эта презентация для меня не менее важна! – возроптала я.

– Это замечательно, что у нас в жизни есть важные вещи, Натали, – сказал Бенджамин, не уловив смысла сказанных мною слов. И, застегнув на молнию свой рюкзак, направился вместе со мной к входной двери. Я подхватила складной саквояж с нарядом на вечер и проверила наличие в сумке ключей.

– А что, если я дам тебе ключ? – импульсивно спросила я, поглядев на запасной ключ в связке. Бенджамин ответил не сразу.

– Ладно, давай, – произнес он через несколько секунд.

Мои натужные попытки снять ключ со связки сопровождало неловкое молчание. Наконец я отцепила ключ и протянула его Бенджамину.

– Вот, теперь ты...

– ...теперь я смогу сам открыть твою дверь, – закончил он за меня.

Я попробовала потянуть время, убирая ключи обратно в сумку – в надежде, что Бенджамин предложит мне взамен ключ от своего жилища. Но он потянулся к двери и открыл ее нетерпеливым рывком.

– Эй, когда мы опять увидимся?

– Скоро, Натали, скоро. И не забудь про буклет. *Намасте*, – улыбнулся Бенджамин и хлопнул дверью.

Было все еще довольно рано, когда я вышла из калитки с кодовым замком на Бик-стрит. Позднеиюльское солнце сверкало ослепительно, обещая жаркий денек. Я прошла мимо паба в соседнем доме. Его работники обливали водой из шланга мощную террасу перед входом. В воздухе, наполнившемся мелкими брызгами, которые с приятным покалыванием опускались на мои голые руки, повисла радуга. Чуть дальше, у бордюра, тихо пофыркивал на холостых оборотах грузовик, и в унисон с ним позвякивали еще не разгруженные бочки с пивом. Я надела солнечные очки и перешла через дорогу.

Равен-стрит находится в самом сердце Сохо. И я прошла мимо вереницы сверкающих гей-баров, ресторанов и секс-шопов; все они были наглухо задраены ставнями и отдыхали после очередной ночной смены. Работали в столь ранний час только кофейни. Я по своему обычаю протолкалась в «Гранде», заказала у бледного паренька с дредами «американо» на вынос и вместе с курьерами и офисными трудягами стала ждать, когда кофе-машины с ворчливым шипением наполнят наши стаканы. Кинув взгляд в панорамное окно, я обвела глазами лаконичный белый фасад напротив – наш Театр на Равен-стрит.

Он был построен в стиле ар-деко в 1919 году и функционировал до Второй мировой войны. Потом театр пришел в упадок, закрылся, и в его стенах на многие годы разместились бесплатная столовая, порнографический кинотеатр и огромный букинистический магазин. Затем здание и вовсе заколотили досками, чуть было не превратив в тематический паб. И я до сих пор считаю своей особой заслугой и горжусь тем, что приняла активное участие в сборе средств для спасения, реставрации и возвращения былой славы этому «храму Мельпомены», директором которого я в конечном итоге заделалась.

– Ой! – само собой вырвалось у меня.

Это «Ой!» слетает с моих губ всякий раз, когда я открываю его массивную дверь и врываюсь с шумной улицы в тихую билетную кассу с затейливой лепниной и латунными светильниками ар-деко. Потому что я всегда испытываю легкий страх, благоговейный трепет и огромную ответственность за благополучие своего любимого детища.

Очередь наконец подошла, и бледный паренек с дредами вручил мне мой кофе.

Я вышла из «Гранде», пересекла дорогу и вошла в театр через главный вход. Я всегда поднимаюсь в свой кабинет по лестнице. На стенах вдоль нее развешаны фотографии наших самых успешных постановок, и они заряжают меня уверенностью, пока я преодолеваю пять лестничных пролетов. На полпути я остановилась на ступеньке возле моего самого любимого снимка – на нем запечатлена я вместе с Ким Кэттролл. Он был сделан во время благотворительного вечера, который мы провели в прошлом году. И самым ярким моментом этого приема для меня оказалось общение с мисс Кэттролл; она была очаровательна и настояла, чтобы я называла ее просто Ким, а потом выступила перед гостями, прочитав им несколько монологов. На снимке актриса получилась великолепно – вся такая ухоженная и лощеная... А я выгляжу рядом с ней простоватой и вымотанной; волосы уже начали завиваться жуткими кудряшками, а мой костюм смотрится дешевой «сборной солянкой» – как у социальной работницы, потратившей свои подарочные рождественские сертификаты на более-менее сносный наряд.

Зайдя в наш офис с открытой планировкой, я застала там Ксандера – нашего нового офис-менеджера. Он тщетно пытался разобраться в алхимии кофе, которое ему заказывала Никки, моя деловая партнерша на протяжении пяти лет. Никки долгое время работала в лондонском Уэст-Энде. И знает всех и все, что можно знать о театре. Она оказала серьезную

финансовую помощь при возрождении нашего театра. И если я отвечаю за повседневное управление им, то Никки возглавляет отдел по связям с общественностью и рекламе.

– Маленький стаканчик очень горячего колумбийского кофе без кофеина с сиропом из фундука, соевым молоком и сахарином... И я узнаю, если вместо него добавляют сахар или аспартам, – растягивая слова, выговаривала Никки со своим тexasским акцентом. Жакет ее ярко-розового брючного костюма, зауженный в талии, эффектно подчеркивал все важные выпуклости. Гладкие темные волосы были туго стянуты сзади, а глаза скрывали очки с ярко-розовой – под стать костюму – оправой.

– Ладно, нет проблем, – пробормотал Ксандер, яростно строча что-то на самоклеющемся листочке для записей.

Почувствовав меня, Никки обернулась.

– Нат! Я обожаю Ксандера! Он такой очаровашка! Ну просто котик! – Никки игриво взъерошила его блестящие каштановые волосы. – Когда ты его наняла?

В больших карих глазах Ксандера отразился шок.

– Доброе утро, Ксандер, – сказала я извиняющимся тоном и повернулась к Никки. – Он начал работать у нас, когда ты была в отпуске.

Никки скосила глаза на Ксандера, который проворно, как настоящий маленький котик, уселся за стол.

– Ксандер... какое интересное имя!

– Это сокращенно от Александра. Мой маленький брат не мог выговорить его правильно. Так я стал Ксандером, – пояснил «котик» с сильным шотландским акцентом, изблещавшим его молодость.

– О, господи! Какой акцент! – воскликнула Никки, играясь серебряной цепочкой, угнездившейся на ее впечатляющей груди. – Добро пожаловать в Театр на Равен-стрит, душка. Ты просто прелесть!

Никки подошла к струйному принтеру и открыла лоток для бумаги. На какое-то мгновение я заподозрила, что она собирается вытащить из лотка все листы и отдать его Ксандеру, чтобы «котик» мог в него писать. Но Никки закрыла лоток и обернулась:

– Ксандер, душка! Этот кофе сам не перейдет через улицу...

– Да, конечно, – кивнул Ксандер, хватая свой телефон и поднимаясь из-за стола. – Натали?

– Мне ничего не надо, спасибо, – ответила я, продемонстрировав всем свой «американо». Ксандер помчался выполнять заказ, а Никки проследовала за мной в наш общий кабинет и прикрыла за собой стеклянную дверь.

– Так этот Ксандер, он?..

– Да, у него есть партнер по имени Пол, – сказала я.

– Бляха-муха! А такой невинный взгляд...

– Как твой отпуск? – поинтересовалась я, положив сумку на стол.

– О, Нат! Курорт оказался просто потрясающий. Единственным минусом было то, что из-за Барта у меня разболелось запястье...

– Мужчины могут быть такими противными, – сказала я.

И поняла, что Никки имела в виду совсем другое – она вытянула вперед свое запястье и показала мне великолепный, ослепительный браслет.

– Вот те на! Они настоящие? – спросила я.

– Да. Бриллианты. Настоящие, – подтвердила Никки, с ухмылкой вращая запястьем. – Так много каратов, что мне больше никогда не придется есть по пять раз в день.

– Да иди ты, Никки! Твой муж и спустя двадцать лет остается романтиком...

Я вытащила свой ноутбук, и буклет «Бенджи Йога» вывалился на пол. Никки его подняла.

– «Для Райана Харрисона, конфиденциальность гарантируется», – громко прочитала она. И вопросительно приподняла идеальной формы бровь.

– Бенджамин насильно записал его мне в сумку, – пробормотала я, забирая у нее буклет.

– Нат! Райан Харрисон не будет ходить в «Бенджи Йогу», – произнесла как отрезала Никки.

– Почему? Бенджамин – хороший учитель йоги.

– И хороший саморекламщик, что, собственно, совершенно неплохо. Но нам нужно беречь Райана...

Я попыталась протестовать. А Никки продолжила:

– Его менеджер вынудила нас добавить в контракт пункт о том, что в случае болезни Райана сможет навещать только врач с Харли-стрит...

– Что это значит?

– Нат, ты разве не подцепила грибок в «Бенджи Йоге»? – вопросом на вопрос ответила Никки.

– Это случилось несколько месяцев назад, и это была эпидермофития стоп...

– Это лишь красивое название для грибка на ногах. А ты знаешь, сколько врач с Харли-стрит берет за его лечение? Думаю, нам оно может стоить львиную долю средств, выделенных на финансирование нашего худсовета в следующем квартале.

– Ладно, ладно, – поспешила я свернуть буклет и запихать его обратно в сумку.

Никки положила свою руку мне на кисть:

– Дорогуша, мне очень симпатичен Бенджамин. Он высокий, хорошо сложен, амбициозен. И я не сомневаюсь, что он сможет достигнуть высот, которые другим мужчинам не по плечу... Но тебя где-то рядом поджидает совсем другой парень, намного лучше Бенджамина... Я в этом уверена...

– Я дала ему сегодня утром ключ, – вызывающе заявила я.

– Ключ от чего? – уточнила Никки.

– От моей квартиры...

Я не расслышала ответ Никки, потому что с улицы донесся громкий хлопок, а затем визг металла. Мы подошли к окну и увидели грузовик, припаркованный у бордюра. На дороге рядом с ним высилась огромная груда ограждений для сдерживания толпы.

– Ты действительно думаешь, что они понадобятся нам сегодня вечером? – спросила я.

– Нат, это же Райан Харрисон! – сказала Никки. – У него сумасшедшая слава! Из костюмерной его телешоу наряды в прачечную возили на бронированном грузовике. А одна женщина из Огайо предложила на благотворительном аукционе десять тысяч долларов за пинту воды из его ванны. Ходят слухи, что у его упорных преследователей есть свои преследователи...

– Ладно тебе, наши гости будут вести себя сдержанней. Мы ведь пригласили прессу и театральные деятели, – сказала я.

– Ты будешь удивлена, – хмыкнула Никки.

Тут кто-то постучал. И в следующий миг в дверь просунулась голова с короткими седыми волосами.

– Доброе утро, дамы! – поприветствовала нас Вэл, заведующая билетной кассой. – В фойе столпилась группа мускулистых мужчин. Это что? Заблаговременный подарок мне ко дню рождения? Или вы наняли охранников? – поинтересовалась она.

– Мы уже купили тебе ко дню рождения шлепанцы, – подмигнула я кассирше. – Ксандер скоро вернется и разберется с этими ребятами.

– Хорошо, а пока я отведу их в бар. А когда вернется Ксандер, я снаряжу его за кофе для себя. – Голова Вэл с улыбкой на губах скрылась за дверью.

– Так. Давай-ка пробежимся по списку дел, которые у нас намечены перед сегодняшней презентацией. Проверим, не забыли ли мы чего, – предложила я Никки.

– Сначала мне бы хотелось узнать, что ты наденешь? – сказала Никки.

Я расстегнула молнию на саквояже для одежды и достала из него черную юбку-карандаш и оранжевую блузку. Никки нахмурила брови.

– Ты сама выбирала этот наряд или тебе его навязал продавец-консультант?

– Я не так-то легко поддаюсь уговорам, – возразила я.

– Дорогуша, ты же – британка. Половина вещей в твоём гардеробе куплена из вежливости.

– Этот наряд я выбрала сама. В том магазинчике на Карнаби-стрит, где можно одеться так, как одевались девушки во время Блица... Это винтаж!

Никки втянула сквозь зубы воздух и помотала головой:

– Юбка еще куда ни шло. Но у блузки такой цвет... Два слова: Easy Jet!¹

– EasyJet – это одно слово, – заметила я.

– Да без разницы! Ты выбираешь униформу бюджетной авиакомпании... Этот вечер, возможно, самый важный для нашей карьеры. Если ты это наденешь, люди не будут восклицать: «О, да это Натали Лав, она здесь всем распоряжается!» Они начнут расспрашивать тебя о чипсах «Принглс» и благотворительных лотереях.

– Но это же совсем другой оранжевый, не как у EasyJet. Разве нет? – сказала я, прикладывая к себе блузку перед зеркалом у двери. Никки только пожала плечами. – А ты что наденешь? – спросила у нее я.

Никки вышла на пару минут и вернулась с красивым жемчужно-белым платьем от модного дома «Александр МакКуин».

– Ого! – не сдержала я восторга. – Оно потрясающее!

– Мне купил его Барт, в дополнение к браслету... Я бы предложила тебе что-нибудь из своего гардероба, но ты же знаешь – у меня большая толстая задница и огромные...

– Да-да, мне это известно, – перебила я Никки, возвращая блузку на вешалку. – Не переживай, я все улажу. Возможно, Шэрон одолжит мне что-нибудь из своего гардероба... А теперь давай, наконец, поговорим о вечере.

– Хорошо, только вот еще что... – замялась Никки.

– Что?

– Почему нынче приоритетная посадка?²

Я не смогла удержаться от смеха.

Всю оставшуюся часть утра и первую половину дня мы провели за встречами и инструктажами сотрудников, периодически отмечая галочками выполненные задачи в нашем огромнейшем списке дел. В три пополудни у нас наконец-то образовалась пауза – на пару часов. И я улизнула из театра, чтобы забрать у Шэрон сменный наряд. Почти пробежав по Ковент-Гардену до перекрестка Чаринг-Кросс, я запрыгнула в поезд, шедший в Нью-Кросс. И через двадцать пять минут вышла из него на Нью-Кросс-роуд.

Миновав крупный супермаркет «Сейнсбери», я постучала в ярко-зеленую дверь одного из типовых домиков ленточной застройки, скучившихся в стороне от шумливой дороги. Дверь открылась. Шэрон встретила меня в прихожей с прилизанными пенкой волосами и полотенцем на плечах.

– Ты уже видела Райана Харрисона? – возбужденно поинтересовалась она. – Какой он, а?

– Успокойся. Он не приедет раньше пяти вечера, – сказала я.

Из конца коридора донесся пронзительный вопль.

¹ EasyJet Airline Company Limited – британская лоу-кост-авиакомпания. На ее логотипе название написано ярко-оранжевыми буквами.

² Приоритетная посадка – услуга, предоставляемая авиакомпаниями за дополнительную плату и дающая ряд преимуществ по сравнению с другими путешественниками, в частности возможность пройти без очереди на выходе на посадку.

– Оставайся у раковины, Эми! – крикнула Шэрон через плечо. – Проходи, Нат.

Я прошла вслед за подругой в большую кухню, выходящую окнами в ее уютный маленький сад. За кухонным столом сидел десятилетний сын Шэрон, Феликс – тоже с пенкой на волосах и с полотенцем супермена, завязанным под подбородком, как накидка. Рядом ерзала его сестричка Эми. Ноги восьмилетней дочки Шэрон позволяли ей не сходя с места склоняться и распрямляться над раковиной, пока с ее волос стекали капли воды.

– Вши, Нат, – пожаловалась Шэрон. – У нас у всех завелись эти чертовы вши. – Схватив со стола маленький серебряный гребень, подруга начала расчесывать им густые мокрые волосы Эми.

– Вши? Да ты что! – воскликнула я, водружая на стол свою сумку. – У кого вы подцепили эту дрянь?

– У Лауры Дальтон, тетя Нат, – ответила за Шэрон Эми. Даже в свои восемь лет она сумела нацепить на свое лицо осуждающе-неодобрительное выражение.

– Не факт, что у Лауры Дальтон, – решила быть справедливой Шэрон.

– А у кого же еще? – не сдалась Эми. – Эта Лаура постоянно торчит на детской площадке, тряся своими паклями возле мальчишек. Рано или поздно она должна была заразиться от них чем-нибудь!

– У девчонок тоже водятся вши! – возопил Феликс.

– Платье, которое ты решила у меня позаимствовать, висит на двери спальни, – сказала Шэрон, продираясь гребнем через спутанные узелки в волосах Эми. – Ты не передумала его брать?

– Да пока нет, – пробормотала я и направилась к спальне. За моей спиной снова вскрикнула Эми:

– Ой! Это Феликс во всем виноват. Он вчера поцеловал Лауру Дальтон!

– Я не делал этого! – завопил Феликс.

Я всегда испытываю небольшую зависть, бродя по дому Шэрон. Он такой уютный! Повсюду детские рисунки, фотографии с каникул в рамочках, маленькая пепельница в виде фигурки Гомера Симпсона, которую Феликс вылепил из глины для своего папы Фреда – типичного итальянца, низкорослого, симпатичного и обаятельного. Все эти вещи постоянно мне напоминают о том, что я могу упустить свой шанс завести детей. Бенджамин не решался оставить у меня в квартире даже свою зубную щетку. Что уж говорить о том, чтобы меня обрюхатить...

– Это всего лишь вода, дуреха. Я даже еще не нанесла на твою голову шампунь от вшей! – донесся до меня с кухни голос Шэрон.

И тут я увидела на двери ее спальни заветное платье – красивое, зеленое, шелковое! Я схватила полиэтиленовый чехол и поспешила обратно.

– Ну что, Нат, подойдет? – спросила Шэрон.

– Оно великолепно, спасибо тебе, – поблагодарила я подругу.

– А я надену свое черное «галактическое платье», – сказала Шэрон. – Не последний писк, конечно, но оно меня стройнит и выгодно подчеркивает все нужные места... – осеклась Шэрон, сообразив, что рядом с ней дети.

Эми тотчас округлила свои карие глаза под запененными волосами.

– Мама, ты же вроде бы замужем? А Райан Харрисон не твоего поля ягода! – заявила девочка.

– Где она всего этого набралась в своем возрасте? – озадачилась Шэрон. – Не моего поля ягода... Я люблю вашего папу. Мне просто хочется взглянуть воочию на этого актера... Может, мне еще удастся прикоснуться к нему!

– Сбавь обороты, Шэрон! – хмыкнула я. – Мне пришлось нанять в театр охранников.

Шэрон вытерла руки и открыла дверцу буфетной. На ее внутренней стороне висел настенный календарь с фотографиями Райана Харрисона. Календарь был раскрыт на июле – на черно-белом снимке Райан лежал без рубашки, в одних плавках, на пляже, и по его накаченному брюшному прессу был кокетливо распылен мелкий светлый песок.

– Ты только взгляни, как он тут томится в моей буфетной со всеми этими батончиками «Уитабикс»³ и сушеной чечевицей... А сегодня вечером я увижу его живьем! Выпьешь бокальчик вина, Нат? – предложила мне Шэрон.

– Я бы с удовольствием, но пора уже возвращаться в театр, – виновато отказалась я.

– Ладно, выпьем позже... У вас все еще есть бесплатный бар?

– Да, мы даже наняли профессионального бармена-миксолога для составления коктейлей.

– Правда? Супер! – обрадовалась Шэрон. – Феликс, прочитай, что там написано делать дальше.

Феликс раскрыл проспект лосьона от вшей и начал громко читать:

– «После нанесения лосьон должен оставаться на коже восемь часов. По истечении этого времени смойте лосьон тья-тша... тща...»

– Тщательно! – выкрикнула Эми. Шэрон примолкла, закрывая дверцу буфета, а потом решила уточнить:

– Там, наверное, написано, «восемь минут», да, Феликс?

– Нет, мамочка. Тут написано «восемь часов»...

Шэрон бросилась к сыну и выхватила у него проспект.

– Восемь часов? Почему мне этого не сказала проклятая аптекарша? Я не хочу ждать восемь часов! Через восемь часов уже будет...

– Полночь, – договорила я.

– Ура, ура, ура! Мы можем не спать? – возликовала Эми. – А то нам разрешается не спать до полуночи только раз – накануне Нового года!

– Вот здорово! – выкрикнул Феликс и запрыгал вместе с Эми от возбуждения.

Шэрон застыла с проспектом в руках; глаза ей защипали слезы.

– Да ничего страшного, – сказала я. – Просто смой этот лосьон, а завтра снова его нанесешь и продержишь на голове сколько надо.

Шэрон прикусила губу.

– Нет, так не годится, ведь у меня еще остались вши, и мне придется снова их выводить. А говорят, что химические шампуни нельзя применять чаще одного раза в месяц... И я не смогу повести завтра детей в школу, если не выведу им этих гнид...

– Да неужели? – усомнилась я.

– Там практически устроили охоту на ведьм, пытаюсь выяснить, чьи дети виноваты во вспышке педикулеза... И нет! Я не могу пойти на твою изысканную вечеринку с гнидами! Вдруг я заражу ими Райана Харрисона? Да мне прощения за это не будет!

Схватив со стола салфетку, Шэрон вытерла глаза и высморкала нос.

– Мамочка, а можно нам посмотреть сериал «Доктор Кто»? – спросил Феликс.

Шэрон со вздохом кивнула. Дети с радостным визгом помчались в гостиную.

– ТОЛЬКО НЕ САДИТЕСЬ НА ДИВАННЫЕ ПОДУШКИ! – прокричала им вслед Шэрон, а затем пожаловалась мне:

– Этот шампунь воняет как промышленный растворитель.

– Ты твердо решила не ходить? Ты могла бы остаться у меня и...

– Спасибо, но нет, – снова вздохнула Шэрон. – Материнские обязанности превыше всего.

³ «Уитабикс» – фирменное название пшеничных батончиков из спрессованных хлопьев; подаются к завтраку с молоком и сахаром.

– У тебя еще будет уйма возможностей встретиться с Райаном. Он проработает в театре пять недель. Ты обязательно увидишь его живьем, – пообещала я, обняв подругу.

– Я даже купила в «Маркс энд Спенсер»⁴ новый лифчик... жутко дорогой, – всхлипнула Шэрон. – Мои сиськи оказались больше, чем я думала. Эх, если бы я только попала на глаза Райану со своими новыми большими сиськами. Он же из Лос-Анджелеса, ему должны нравиться такие...

Я посмотрела на ее бюст, но никаких перемен в нем не заметила. Шэрон еще раз высморкалась и вытерла слезы.

– Ты справишься, Нат, если я не пойду? А Бенджамин придет? – осведомилась она.

– Я его звала, но у него сегодня медитация... – ответила я.

Шэрон повернулась к холодильнику и достала из него бутылку вина.

– Не отворачивайся! Я и так вижу, что ты скривилась, – добавила я.

– Ничего я не скривилась, – соврала Шэрон.

– Я знаю, что ты считаешь Бенджамина эгоистичным... И я не спорю: иногда он действительно бывает таким. Но он просто очень увлечен своей йогой и медитацией. И... нам всем необходимо какое-то увлечение. Я тоже сосредоточена на своей работе.

Шэрон неубежденно кивнула и налила себе большой бокал вина.

– Я дала ему сегодня ключ, – сболтнула я.

– От чего?

– Никки задала такой же вопрос. От своей квартиры, естественно...

Шэрон собралась что-то сказать, но в этот момент начался «Доктор Кто» и мы услышали характерные, легко узнаваемые голоса далеков⁵.

– Им не следует смотреть эту серию, Феликс потом не заснет. Он ужасно боится далеков, – вскочила Шэрон.

Я последовала за ней в гостиную и через секунду увидела, как моя зареванная подруга в момент перевоплотилась в «строгую мать», отобрала у детей пульт и включила другой эпизод. Я поняла, что мне нужно уходить. Шэрон обняла меня возле двери.

– Позвонишь мне потом и расскажешь, как все прошло, – сказала она.

– Конечно, – пообещала я. – И спасибо еще раз за платье.

По дороге к железнодорожному вокзалу меня грызла зависть. Не то чтобы мне захотелось бороться со вшами или посмотреть «Доктора Кто». Нет... Я просто позавидовала полному дому Шарон.

⁴ Marks & Spencer – самый крупный в Великобритании производитель одежды.

⁵ * Далеки – взвезная раса мутантов из британского научно-фантастического телесериала «Доктор Кто».

Райан Харрисон

Пока я проделывала обратный путь от вокзала Чаринг-Кросс до Сохо, небо тяжелело от туч. Час пик достиг своего апогея. Я ловко прокладывала себе дорогу в плотной толпе, хотя из-за усилившегося после полудня зноя полиэтиленовый чехол с платьем Шэрон назойливо лип к моей коже.

Добравшись до театра, я испытала неподдельный шок – масса собравшихся там людей была просто огромной! Тротуар и часть дороги непосредственно перед главным входом уже были перекрыты длинной цепочкой ограждений. В первом ряду скопища, предвкушавшего материализацию знаменитости, преобладали, естественно, представители прессы и папарацци. Явно привычные к долгому ожиданию, они с вялой вальяжностью нависали над заграждениями. В противоположность репортерам теснившиеся за ними поклонники Райана Харрисона безумствовали в возбужденном исступлении, что-то выкрикивая, вопя и гогоча.

В числе фанатов были и подросткового возраста парни и девушки, и женщины тех же лет, что и мы с Шэрон. Камеры их мобильных телефонов то и дело сверкали вспышками – все они делали групповые селфи. И многие держали над головами самодельные плакаты: «МЫ ОБОЖАЕМ ТЕБЯ, РАЙАН!», «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РАЙАН!», «РАЙАН! Я ХОЧУ ОТ ТЕБЯ ДЕТЕЙ!» А несколько дам почтенного возраста заявили к театру в розовых майках с надписью «МЫ – МОРМОНКИ, РАЙАН. ЖЕНИСЬ НА ВСЕХ НАС СРАЗУ!»

Шестеро полицейских в униформе, выстроившихся вдоль цепочки заграждений на равном расстоянии друг от друга, напряженно наблюдали за растущей толпой. На тротуаре внутри огороженной зоны Никки надзирала за тем, как Ксандер и двое ребят из билетной кассы разворачивали перед главным входом и одновременно пылесосили огромную красную дорожку.

Я подошла к ограждению и похлопала одного из полицейских по плечу. Блюститель порядка отказался признать во мне директора театра. И мне пришлось позвать Никки, чтобы она это подтвердила. Полицейский безмолвно отодвинул ограждение, и я проскользнула внутрь.

– Извини, Нат, я хотела дать тебе пропуск еще до твоей отлучки, да что-то вылетело из головы, – сказала Никки, передавая мне ламинированный прямоугольник с моим именем и фотографией. – Люди Райана Харрисона уже связались с нами. Он опаздывает на полчаса.

Я глянула на часы. Было тридцать пять минут шестого. А в следующий миг раздался раскат грома и толпа завизжала. К нам подбежал Ксандер с планшетом для Никки.

– Это окончательный список гостей, – сказал он. – Каждый пришедший будет проверен трижды. Первый раз – на входе, второй – в фойе, где ему вручат подарок, и третий раз – на входе в бар.

Снова прогремел гром, и тучи на небе стали на вид еще тяжелее.

– У нас есть зонтики? – спросила я.

– Да, у нас их целая куча наверху. Я перенесу их вниз, в фойе, – сказал Ксандер и ушел в театр.

– Можно мне глянуть на платье? – спросила Никки. Я отлепила его от плеча и увидела ее одобрительную улыбку.

– Оно безупречно! – воскликнула Никки. – Полное сумасшествие, да?

– Я знаю. Эти ограждения, пресса, поклонники... Все в нашем театре!

Ухмыльнувшись, Никки сжала мою руку:

– Мы ведь к этому стремились, Нат, так долго... Посмотри, к нам пожаловала даже пресса из Америки! – Никки указала на блондинку в безукоризненном брючном костюме, говорившую что-то на камеру в микрофон.

Мы зашли в здание театра, и я направилась в одну из запасных гардеробных – переодеться. Зеленое платье Шэрон было прекрасно – простое и элегантное, с небольшим «ручейком» в декольте, обнажившим ложбинку на груди ровно в меру. Вооружившись выпрямителями, я подправила свою прическу и немного освежила макияж. Это был тот самый случай, когда у меня все получилось хорошо. Мои глаза, накрашенные в технике «смоки айс», стали выразительными и томными. Гладкие прямые волосы легли на плечи естественно и обрели желанный объем. Почему у меня никогда не получалось так выглядеть на свидании? Последние несколько раз, когда мы выходили куда-нибудь с Бенджамином, я напивалась так, что волосы свивались в кучерявую мочалку.

Достав мобильник, я позвонила Бенджамину. Но после нескольких гудков его телефон переключился на голосовую почту. Я уставилась на экран. Он сбросил мой вызов... «Наверное, он уже собрался медитировать», – успокоила себя я. Из задумчивости меня вывел стук в дверь; в гардеробную заглянула Никки.

– Нат, автомобиль Райана Харрисона подъедет к театру через десять минут, – предупредила она.

– Хорошо, я спущусь вниз через пару секунд, – пробормотала я, внезапно сильно разволновавшись.

Когда мы с Никки вышли из театра, атмосфера на улице была уже безумной. Раскаленный воздух загустел, черные тучи нависли над крышами совсем низко. И уличные фонари уже начали зажигаться, хотя до темноты оставалось еще несколько часов. Толпа желающих увидеть Райана Харрисона набухла, заполонив всю Равен-стрит. Навстречу нам выдвинулась одна полицейская. Она сообщила нам о принятом решении перекрыть улицу с обеих сторон и перенаправить транспорт в объезд.

– Городская полиция взяла под свой контроль управление толпой и все зоны общественного пользования. Пожалуйста, не вмешивайтесь, – добавила она грозно. И мы покорно и безропотно кивнули.

Рация на лацкане суровой блюстительницы порядка сначала зашипела, затем затрещала, а потом проговорила дребезжащим голосом: «Подъезжает».

Визг и вопли внезапно усилились. Вспышки камер суетливо засверкали, освещая обезумевшие лица людей, головы которых разом завертелись в разные стороны в попытках понять, что происходит.

– Началось, Натали! Это автомобиль Райана! – прокричала Никки над всеобщим переполохом.

Черный минивэн прорвался через ограждение, выставленное на середине Равен-стрит. Четверо полицейских окружили его с двух сторон, отгесняя с дороги фанатов. Автомобиль прополз сквозь толпу и остановился у ограждений. Едва сдерживая фанатов, полицейские образовали небольшой свободный карман возле его задней дверцы. Прошло несколько секунд, и она медленно приоткрылась.

Из машины под эпилептический психоз вспышек вышел модно растрепанный Райан Харрисон. И терпеливо попозировал перед камерами с пару минут. На актере были простые синие джинсы и облегающая белая футболка. А его глаза скрывали от поклонников культовые солнцезащитные очки «Рэй Бен». Только вот, как и большинство знаменитых сердцеедов мужского пола, он оказался... коротышкой.

Вслед за Райаном из минивэна вылезла его «свита»: крупная женщина с черными как смоль волосами, зачесанными назад с довольно бледного лица, и две невероятно серьезные девушки в темно-синих брючных костюмах. Крупная дама сразу же направилась ко входу в театр и исчезла внутри здания. Одна из девушек двинулась ко мне, а другая тенью проследовала

за Райаном, который неспешно прошел вдоль заграждений, позируя для фотографий и селфи с репортерами и фанатами.

– Кто здесь Натали Лав? – прокричала девушка над гулом толпы.

– Это я, привет! – откликнулась я.

– Ждите здесь, – резко бросила мне девушка, указав на пяточок тротуара, где стояли мы с Никки. Затем она вернулась к Райану и провела его до конца цепочки заграждений, с каждым шагом ускоряя ход.

– Кто все эти женщины? – спросила я, немного оцетинившись от такого отношения к себе.

– Темноволосая великанша – это Терри, менеджер Райана. А те, что помоложе, – ее помощницы, – объяснила Никки.

Минут через десять эти дамы решили, что Райану хватит красоваться перед публикой. Актер попозировал для последнего группового фото с мормонками, готовыми составить его гарем, потом попрощался с ними, проскользнул мимо нас и нырнул в фойе. Мы поспешили за ним вдогонку.

Фойе театра было забито. Пятеро наших накаченных охранников беспорядочно слонялись вокруг, Терри стояла в углу, все еще не убрав с лица злобно-угрюмого выражения, а ей на уши что-то напряженно нашептывали две помощницы. Дверь, ведущую из фойе в сам театр, заблокировала огромная тележка с высоченной горой подарков. Их вручал гостям Ксандер с парой девушек, нанятых нами на вечер. Райан, все еще в своих очках, остановился посреди билетной кассы. И когда мы приблизились к актеру, в их темных стеклах отразились наши искаженные лица – как на тыльной стороне чайной ложки. С маниакальными улыбками мы с Никки представились американцу. Он так и не снял очков, только вежливо кивнул. И почти сразу же к нам подскочила Терри.

– Надя... Нам нужно увести отсюда Райана, – указала она на камеры, продолжавшие освещать своими вспышками фойе.

– Меня зовут Натали, – поправила я толстуху и тут же добавила: – Конечно, мы сейчас же проводим вас в приготовленную гардеробную.

Велев Ксандеру отодвинуть тележку с подарками, мы вышли из фойе, и я вызвала лифт.

Поднимались наверх мы в полном молчании. Терри и ее помощницы смотрели прямо перед собой с одинаковой мрачной сосредоточенностью. Ну прям агенты спецслужб! Райан держался за своей свитой.

– Как долетели? – спросила его я.

– Дооолго, – ответил актер.

И снова молчок.

– Мы очень беспокоились, как бы с вами чего не случилось... Я заламывала себе руки, как сама леди Макбет! – прервала я тягостное молчание.

– Как кто? – переспросил Райан.

Но только я собралась ему ответить, как лифт остановился. И мы всем скопом вывалились из него на третий этаж.

– В соответствии с просьбой мы выделили вам в личное пользование нашу лучшую гримерку, – сказала Никки.

– Ого! Привет, Америка! – воскликнул Райан, встрепенувшись при звуке ее голоса. И, сняв очки, явил нам темные круги вокруг своих пронзительных зеленых глаз. А потом одарил нас по очереди очаровательной улыбкой, обнажив великолепные белые зубы.

– Да-да. Я из Далласа, штат Техас, – подтвердила Никки.

– Кайахога-Фолс, штат Огайо, – представился Райан.

– Совертон, Девон, – съязвила я.

Воцарилась оглушительная тишина. К счастью, мы уже подошли к гримерке.

– Вот, располагайтесь, – сказала Никки, открыв ее дверь.

– Спасибо, – поблагодарил Райан и перешагнул порог. За ним последовали две молодые помощницы. Я хотела зайти после огромной туши Терри, но она повернулась и захлопнула дверь прямо перед нашими с Никки носами.

– Как мило, – буркнула я.

– И твои ужасные шутки нам не помогли, Нат...

– А тебя разве не задело, что он не знает, кто такая леди Макбет? – прошипела я, пока мы возвращались назад к лифту по коридору.

– Они только что с самолета, провели в воздухе шестнадцать часов, – дипломатично попыталась уклониться от темы Никки.

– Но он же согласился играть Макбета в «Макбете»! Как он мог не понять, о чем я говорила?

– А кто тебя дернул за язык упомянуть эту «шотландскую пьесу?»⁶

– Что за чушь! Дернул, не дернул... Что случится, если произнести Мак... название этой «шотландской пьесы»?

Никки зашла со своего мобильного в Гугл:

– Вот, смотри, что тут говорится: «Упоминание имени на букву М означает для театра проклятие и чреватое разными бедами – от трагических случайностей и несчастных случаев во время спектаклей до гибели причастных к ним людей...»

– Только этого нам не хватало, – передернула плечами я.

– Есть один обряд очищения, – утешила меня Никки. – И мы можем его провести, – добавила она, с силой тыча в свой телефон.

– Обряд очищения?

– Ну да! Для того, чтобы отвести непруху. Он не займет много времени, но нам придется выйти на улицу.

Хоть мне это и показалось полной глупостью, но я спустилась вслед за Никки по лестнице и вышла на тротуар. Толпа за ограждениями не рассосалась. Теперь фанаты глазели в окна и скандировали «Райан!».

– Что мне нужно сделать? – спросила я.

– Повернись вокруг своей оси три раза, – скомандовала Никки.

Я трижды повернулась, как было велено.

– Что дальше?

– Теперь сплюнь через левое плечо...

Я приготовилась сплюнуть.

– Только не на красную дорожку! – взревела Никки. – Сплюнь в сточную канаву!

Я подошла к бордюру и незаметно сплюнула через левое плечо.

– А теперь ты должна произнести строку из «Гамлета»: «Да охранят нас ангелы Господни!»

– Да охранят нас ангелы Господни! – послушно повторила я.

– Ну вот, теперь все будет хорошо, – удовлетворенно сказала Никки.

Я посмотрела на безумные лица фанатов, истерически взывавших к Райану. А в следующий миг громыхнул гром и сверкнула молния.

– Ладно, пойду в театр, проверю, все ли в порядке, – пробормотала я.

– А я приготовлюсь встать на входе «цепной сукой», – крепко обняла меня Никки. – И давай сегодня вечером повеселимся от души, ладно, Нат? Насладимся нашей минутой славы!

– У меня это без тебя не получится, – сказала я.

⁶ Шекспировская трагедия «Макбет» считается у английских актеров несчастливой. Даже во время репетиций они стараются вместо названия употреблять иносказательные выражения вроде «шотландская пьеса».

– У меня тоже, дорогуша, – улыбнулась Никки.

Зайдя снова внутрь театра, я обнаружила, что мой мобильник почти разрядился, и направилась в кабинет. Но только я начала рыться в сумочке в поисках зарядника, как в дверь кто-то постучал. Это оказался Ксандер; на его лице застыло озабоченно-серьезное выражение.

– Прошу прощения за беспокойство, – сказал он. – Но одна из помощниц Райана попросила меня доставить ему иудея с гор. Я не вполне ее понял. Она что – просит привести к нему раввина?

– Полагаю, что она имела в виду «Маунтин дью»⁷. Это безалкогольный сильногазированный прохладительный напиток, Ксандер, – не сдержала я смеха.

– Хорошо-хорошо, – забормотал парень, густо покраснев. – У нас имеется такой в баре?

– Увы, нет. Но он продается в газетном киоске на углу. Ты найдешь минутку, чтобы сбегать за ним?

– У моих напарниц в фойе заканчиваются подарки, – предупредил Ксандер.

Я подошла к жестяной банке с мелочью, достала из нее двадцатку и передала Ксандеру.

– Иди и купи Райану столько «Маунтин дью», сколько сможешь донести. А я пока разберусь с подарками, – сказала я.

– Я мигом! – пообещал мне Ксандер.

Я спустилась в фойе, которое уже заполнялось прибывавшими гостями. Убедилась, что на столике у девушек, раздававших подарки, действительно осталось всего несколько пакетов. Прошла к кладовке за их спиной, отперла ее, щелкнула выключателем и отыскала глазами подарки, сложенные на длинной плоской грузовой тележке. Тележка на колесиках стояла за дверью, и мне пришлось ее закрыть, чтобы, двигая тележку взад и вперед, вывезти ее в центр кладовки. А потом, повернувшись, чтобы открыть дверь, я остолбенела. В стеклянное дверное окошко я увидела у столика с подарками... Джейми Доусона!

На нем были отличный черный костюм, рубашка с открытым широким воротником, свободно завязанный галстук и кроссовки. Я отпрянула от окошка в сторону и поспешила выключить в кладовке свет. «Что за черт?» – подумала я. Я не ела почти целый день, но неужели Джейми Доусон померещился мне от голода? И разве он жил в Лондоне? По последним слухам, дошедшим до меня, он работал в Канаде.

Я снова выглянула в дверное окошко. Да, это был Джейми Доусон! Он о чем-то весело болтал с раздатчицами подарков. И от его широкой улыбки на щеках играли ямочки. На лицо Джейми спадала прядка каштановых волос. Рядом с ним я заметила красивую темноволосую девушку с призрачно-бледной кожей. Розовое кружевное платье так плотно облегло ее, что казалось, будто оно нарисовано на ее соблазнительной фигуре. Кожа девушки была как безупречный фарфор. И я ее уже где-то видела...

Спутница Джейми протянула руку и убрала ему за ухо выбившуюся прядку. Мое сердце бешено заколотилось, по телу пробежали мурашки страха. И я снова поспешила спрятаться, прижав голову к холодному дереву двери.

Ну почему? Почему именно сегодня мне суждено было встретиться с Джейми? Зачем он заявился на наш вечер? Разве мы его приглашали? Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, я немного выждала. Потом еще раз выглянула в дверное окошко и увидела, что Джейми со своей спутницей отошел в сторону. Я включила свет и вывезла из кладовки тележку.

– Мы только что видели Таппенс Полпенни, – возбужденно доложила мне одна из девушек-раздатчиц.

– Это та, что в кружевном розовом платье? – спросила я.

⁷ Mountain Dew (в пер. с англ.: «Горная роса»). Ксандер спутал слово dew с Jew (иудей, еврей), услышав его так из уст американки.

– Да, она похожа на британскую Диту фон Тиз, – ответила мне вторая девушка. – Я недавно начала заниматься бурлеском и...

– А вы заметили? Мне кажется, что бриллианты на ней настоящие... – перебила ее напарница.

К столику с подарками подошли новые гости.

– Мы вам платим не за то, чтобы вы тут зубоскалили и сплетничали! – рявкнула я.

И вышла на улицу, где за небольшим попитром стояла Никки. Под ее строгим взглядом гости выстраивались на красной дорожке в очередь, сверкая зубами и приглашениями. А толпа за ними продолжала скандировать: «РАЙ-АН, РАЙ-АН, РАЙ-АН...»

– О, Нат! Все в порядке? – осведомилась Никки.

– Я только хочу уточнить – мы приглашали особу по имени Таппенс Полпенни? – спросила я.

– Угу, фотографы походили с ума, когда она прибыла. Она сейчас ужасно популярна... и такая сексуальная... прямо как британская...

– Дита фон Тиз, да-да, – буркнула я.

– А что, какие-то проблемы? О ней много пишут в прессе, особенно в лондонской.

– Да нет, никаких проблем. Все в порядке. А что за парень с ней пришел?

– Джейми... гм... Дайсон?

– Доусон.

– Ну да, Джейми Доусон.

– Он ее спутник? – спросила я.

– Ага, – подтвердила Никки и в свою очередь поинтересовалась у меня:

– А ты что, его знаешь?

– Я? Нет, я просто веду счет гостей по головам... – соврала я.

Никки озабоченно сощурила глаза:

– Ты себя хорошо чувствуешь, Нат? Что-то ты побледнела.

– Да нормально я себя чувствую. Дай мне знать, когда все зайдут, – отрезала я. И поспешила обратно в театр. Миновав девушек-раздатчиц, я, перепрыгивая сразу через две ступеньки, взлетела в кабинет, закрыла за собой дверь и на минутку прислонилась к ней спиной. А затем, усмирив в ногах дрожь, схватила сумочку, бросилась в угол кабинета, отодвинула засов на двери эвакуационного выхода и выскочила на уже не действующую пожарную лестницу. Лестницу – громко сказано! Площадка от нее еще осталась, но металлические ступеньки, ведущие вниз на улицу, во время реставрационных работ были аккуратно срезаны. Я поднялась по сохранившимся ступенькам наверх и вышла на плоскую крышу театра. И, прислонившись к огромной дымовой трубе, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула.

Джейми выглядел великолепно. В моей груди забушевали эмоции... словно прошлое настигло меня. Мы с Джейми так никогда и не вернулись к разговору, который состоялся между нами в тот день – день, когда он ушел от меня у калитки родительского дома.

И все эти годы меня не покидало ощущение, будто в воздухе остался висеть его вопрос...

Свадьба или ничего?

Что бы я ответила Джейми, продолжи мы этот разговор сегодня? Свадьба? Ничего? Увы, все изменилось – вынужденно призналась самой себе я. Джейми все еще оставался красив, и за прошедшие годы он только «повысился в цене». В девятнадцать лет мне было легко подцепить такого парня, как он. Теперь мне почти тридцать пять, а мужчины его калибра никогда не остаются одинокими. Но если и находятся такие, то их моментально прибирают к рукам – так же быстро, как хороший дом в престижном районе.

Свадьба или ничего?

Конечно, я бы не ответила «свадьба». Но вот сказала бы я «ничего» или нет? Я вспомнила, как нам было хорошо с Джейми вместе, как он смешил и развлекал меня. И постаралась

отогнать от себя эти мысли. Я была теперь с Бенджамином. Я сделала карьеру и жила той самой жизнью, о которой всегда мечтала. И просто почувствовала глупый мандраж, увидев своего «бывшего» впервые за пятнадцать лет.

Опять зарокотал гром, и мою оголенную руку обожгла большущая капля. Следом за ней еще одна капля клюнула меня в затылок. Прошло секунды две, и по плоской битумной крыше застучал сильный дождь. Я взвизгнула и побежала обратно по ступенькам к эвакуационной двери. Но она оказалась закрытой! Я не сообразила подпереть дверь, и она захлопнулась. А ручки с ее наружной стороны не было!

– НЕ-ЕТ! – вскричала я, тщетно пытаюсь ухватиться за края двери. Дождь полил как из ведра, он намочил мне волосы, а несколько тяжелых капель упало мне на голые плечи. Вытащив мобильник, я набрала Никки. Послышался гудок, а затем мой телефон трижды пискнул, и аккумулятор сел.

– НЕ-Е-ЕТ! – взревела я, пялясь на пустой экран. Водрузив сумочку себе на голову, я изо всех сил заколотила в пожарную дверь. Ливень еще больше усилился; потоки воды с ревом обрушились на сгрудившиеся вокруг меня дома. Я снова забарабанила в дверь и закричала. Мое прекрасное зеленое платье уже прилипло к бедрам. Я взбежала по ступенькам вверх и опять вылезла на крышу.

Капли дождя, как крупинки ртути, быстро слились воедино на гладком битуме, отражая розовато-голубоватые блики неоновых вывесок соседнего бара. Стараясь не поскользнуться, я подбежала к краю крыши и наклонилась вниз, чтобы позвать Никки. Дождь затопил уже всю дорогу, и на ней не оставалось никого и ничего, кроме полицейского фургона, цепочки ограждений и кучки самых стойких фанатов Райана Харрисона. Ливень тарабанил по улице так сильно, что асфальт подернулся бледной дымкой. И я не усмотрела Никки на красной дорожке. Должно быть, она забежала в театр, куда под пестрыми зонтиками суетливо спешили нырнуть запоздавшие гости.

– Никки! НИККИ! – прокричала я, но мой голос потерялся в шуме дождя. Сумочка соскользнула с моей головы, повисла у меня на руке, и я, практически потеряв равновесие, чуть было не полетела вниз.

Отпрянув назад, я приземлилась на пятую точку, прямо в лужу леденящей дождевой воды.

Слово на букву М

Спустя двадцать минут моего отчаянного колочения по гадкой двери она наконец распахнулась.

– Где я только тебя не искала! – воскликнула Никки. Промокшая до нитки, я прошмыгнула мимо нее внутрь. Прекрасное зеленое платье теперь облипало все мое тело.

– Слава Богу! – пробормотала я, клацая зубами. – У меня разрядился мобильник. Я могла проторчать тут всю ночь!

Никки в ужасе уставилась на меня:

– Нат, я же через десять минут должна буду представить тебя нашим гостям...

– Посмотри на меня! – завопила я. – Что мне делать?

Вода все еще стекала с меня, оставляя на ковролине мокрые пятна. С одной стороны волосы приклеились к моей щеке.

– У тебя есть еще один наряд, – произнесла Никки, подходя к саквою на вешалке.

– Униформа стюардессы EasyJet?

– Это была только шутка, – заверила меня Никки. – Просто я ума не приложу, что еще можно придумать. Хочешь, я сбегаю в костюмерную? Какая пьеса сейчас играется в театре? – деловито поинтересовалась моя партнерша.

– «Опасные связи»⁸, – пролепетала я в ответ.

– Мы не успеем зашнуровать корсет, – вздохнула Никки и подошла к своей спортивной сумке.

– Вот, возьми, оно чистое, – протянула она мне полотенце, и я с благодарностью схватила его.

– Ты не могла бы отвернуться, – попросила я Никки. – Я хочу снять нижнее белье.

Никки отвернулась. Я стянула с себя трусы, расстегнула лифчик и отжала их на цветок в углу.

– Это пластиковый цветок, – заметила Никки, все еще стоя ко мне спиной. Я рассмеялась. Но мой смех прозвучал как лай ополоумевшей гиены. Я насухо вытерлась полотенцем и снова надела нижнее белье. Никки подала мне юбку-карандаш, я влезла в нее и застегнула молнию.

– Можешь повернуться, – разрешила я Никки. И надела оранжевую блузку. Никки быстро застегнула на ней длинный ряд крошечных пуговиц, а я вытерла полотенцем волосы. Мне ничего другого не оставалось, как скрутить их в пучок на затылке. А потом я посмотрелась в зеркало и увидела, что тушь стекла с моих ресниц до самого подбородка. Порывшись в своей сумочке, я отыскала лосьон для удаления макияжа и протерла им лицо. В этот момент рация в руке Никки зашипела и перепуганным голосом Ксандера сообщила нам, что Райан Харрисон начал терять терпение.

– Натали, нам нужно идти, – сказала Никки.

– Ты можешь задержать его хоть на минутку? – взмолилась я. – Мне бы чуть-чуть подкраситься!

Никки ушла. Я наспех наложила макияж и молнией сбежала на третий этаж, где Никки и Ксандер поджидали меня в коридоре вместе с Райаном Харрисоном, Терри и двумя ее помощницами, которых, как я успела узнать от Никки, звали Бет и Минди. Райан, прислонившись к стене, держал в руке банку «Маунтин дью». Он переобулся в дизайнерские кроссовки и переделался в черные джинсы и облегающую футболку, обнажив свои завидные бицепсы.

⁸ «Опасные связи» – пьеса известного современного английского драматурга Кристофера Хэмптона по одноименному роману Шадерло де Лакло. Действие разворачивается в Париже XVIII века.

Футболка выглядела так, будто ее недавно разодрал кто-то с острыми-преострыми когтями. Но сквозь три горизонтальные прорехи в ней эффектно просматривалась мускулистая грудь актера.

– Простите, что задержалась. У вас все в порядке? Никаких проблем не возникло? – спросила я.

Райан провел рукой по своим темным волосам и в раздумье пожал плечами.

– У вашего «Маунтин дью» совсем другой вкус, – посетовал он.

– Гм... У нас просто другие горы здесь, в Британии, – пояснила я.

– Да-да, в Шотландии есть очень красивые горы, – добавила Никки.

– Значит, я пробую вкус вашей страны? – спросил Райан совершенно серьезно.

– Конечно! Для этого напитка у нас используют воду из озера Лох-Ломонд, – расплылся в улыбке Ксандер.

Похоже, такое объяснение удовлетворило Райана. И мы направились по лестнице вниз. Прошествовав через пустую ресторанный кухню, мы дружно тормознули у двери. Никки извинилась и шагнула в дверной проем.

– Это вход в бар. Я только скажу публике несколько слов, а потом представлю Райана, – объяснила я Бет и Минди. Терри оперлась на один из стальных рабочих столов и сердито нахмурилась.

– Вы переоделись? – спросил меня Райан.

Ответить я не успела – Никки произнесла мое имя. Сделав глубокий вдох, я открыла дверь и вышла в бар.

Бар был набит битком – в нем не осталось ни единого свободного дюйма. Золотистые светильники отражали красноту бархатных стен и ковровых ковров, создавая теплую, уютную атмосферу. Две сотни наших гостей потягивали коктейли, а вокруг них циркулировали с подносами официанты. В баре присутствовали и музыканты нанятого нами на вечер оркестра; их инструменты, аккуратно сложенные в задней части сцены, покорно ожидали своего часа. Я поднялась на сцену по небольшому пролету ступенек, и Никки тотчас же передала мне микрофон.

– Всем добрый вечер, друзья! Спасибо вам за то, что вы откликнулись на приглашение и собрались на презентации нашего нового спектакля... «шотландской пьесы», – произнесла я. Гости понимающе заулыбались. Я рассказала им, как ранее, по недомыслию, употребляла слово на букву «М», и они дружно рассмеялись.

И в этот момент я вдруг увидела Джейми – в задних рядах толпы. Рядом с ним стояла Таппенс Полпенни. Она лениво водила ногтем по экрану своего мобильного. На руках у Таппенс были ажурные перчатки без пальцев, искусно гармонирующие с платьем. Мы встретились с Джейми глазами, и он мне кивнул. И я сразу осознала, что пауза в моей речи слишком затянулась: улыбки уже начали исчезать с лиц гостей.

– Итак, на сцене нашего театра... Театра на Равен-стрит сегодня вечером анонсируется «Мак...»... то есть «шотландская пьеса»...

Джейми наклонился и прошептал что-то на ухо Таппенс. Она вскинула глаза и ухмыльнулась. Я постаралась не сбиться:

– И я... я с удовольствием представлю вам актера, который сыграет... сыграет роль... в этой...

Я просто не смогла отвести глаз от Джейми. Он снова наклонился и прошептал еще что-то Таппенс; та кокетливо улыбнулась и, прильнув к Джейми, потерлась о него.

– В этой распутной... то есть я хотела сказать шотландской пьесе...

Я услышала, как гости в глубине бара недовольно заворчали. Таппенс по-прежнему занималась своим телефоном, томно постукивая пальцами по экрану. А Джейми снова посмотрел

на меня. Его красивые карие глаза заглянули в мои глубоко-глубоко. Я нервно стиснула микрофон.

– Итак, я с удовольствием представляю вам Райана Харрисона! – с трудом, но все-таки выдавила я из себя, наконец.

Райан уверенно взлетел на сцену, и толпа разразилась рукоплесканиями и свистом. Над головами гостей взметнулись руки, камеры телефонов заискрились вспышками. И Джейми исчез из моего поля зрения. Я быстро спустилась со сцены и отошла к двери. Райан взял микрофон и подождал, пока стихнут аплодисменты.

– Спасибо, Надя! Я рад оказаться здесь, в театре на Раймонд-стрит, – заговорил актер. Я замерла у двери с вымученной улыбкой, приклеившейся к лицу, и волосами, так и не отлипшими от моей головы.

– Хм, я действительно в восторге от того, что нахожусь здесь, в Лондоне. Я хочу выпить английский чай, съесть торт и затеряться в тумане. Я хочу показать своим фанам и другую свою сторону... Темную, дикую. Я действительно жду не дожусь того момента, когда смогу влезть в шкуру Хэмиша Макбета!⁹

С этими словами Райан поцеловал свои пальцы и сложил их в «знак мира»¹⁰. Толпа ответила ему истеричными воплями. Камеры снова замигали вспышками, и актер сбежал со сцены. Терри, Бет и Минди тут же обступили его и повели в пустую кухню.

– Я люблю народ Великой Британии! – прокричал с ее порога Райан.

Минди подала ему новую банку «Маунтин дью» с гибкой соломинкой. И актер выпил ее с такой жадностью, словно только что закончил трехчасовой концерт в Карнеги-холле, а не выступил с тридцатисекундной речью.

Я поймала свое отражение в одном из огромных холодильников из нержавеющей стали. Я реально походила на стюардессу EasyJet. Мой макияж выглядел так, будто я наносила его во время землетрясения, а вокруг головы дыбился кудрявый нимб.

– Мы можем подняться в конференц-зал? – спросила Никки. – Мы организовали для Райана несколько интервью с представителями прессы и встречи с нашими сотрудниками и финансовыми донорами.

В последующие три часа нам не выдалось ни одной паузы. Райан дал массу интервью, провел встречи с работниками театра, членами правления, с нашими финансовыми донорами, тремя представителями Вестминстерского совета и даже с женой человека, поставившего нам ограждения от толпы. Все желали сфотографироваться с Райаном и признаться ему в любви. Для меня стало открытием и удивлением, как много людей смотрели его телешоу, «Манхэттен-Бич».

Наконец мы проводили Райана, Терри, Минди и Бет к главному входу, где в ожидании томился их минивэн. Терри без слов погрузилась в него; следом за ней в машину уселись Бет и Минди. Райан задержался, чтобы пожать руки Ксандеру и Никки. А потом протянул руку мне.

– Спасибо вам, Райан! Билеты поступят в продажу завтра, в девять утра, – сказала я. – Мы думаем, что их раскупят очень быстро.

– Здорово, – усмехнулся Райан. – И вас ведь зовут Натали? А не Надя, да?

– Да, – подтвердила я.

– Пока, Натали! Еще увидимся, – снова осклабился он и залез в машину.

⁹ Хэмиш Макбет – констебль, герой одноименного британского сериала (1995–1997) о жизни маленького городка с местечковым колоритом, снятого по мотивам детективной серии шотландской писательницы Мэрион Чесни. Райан Харрисон путает с ним шекспировского Макбета, так же как он путает имя Натали, называя ее Надей, и название улицы, на которой расположен театр (Раймонд-стрит вместо Равен-стрит).

¹⁰ Приветственный жест двумя поднятыми пальцами в виде буквы V, рука ладонью вперед.

Ксандер вернулся в театр, а мы с Никки остановились на крыльце под навесом. Никки в окно поманила официанта, и тот вынес нам пару коктейлей. Расслабившись, мы обе отпили из своих бокалов по большому глотку. А дождь все продолжал лить.

– Спасибо, коктейль мне пришелся как нельзя кстати, – сказала я. – Который час?

– Половина десятого, – ответила Никки и, вытянув голову, заглянула в бар. – Большинство гостей уже разошлись... Только народец с реалити-шоу все еще потягивает там бесплатное бухло.

– Я так вымоталась, – призналась я, допивая коктейль. – Я собиралась поехать к... – Договорить мне не дал мужской голос:

– Привет, Натали...

Мы обернулись и увидели Джейми, стоявшего с Таппенс Полпенни под гигантским черным зонтом. На плечи Таппенс было накинуто пальто, но она вся дрожала, держа за руку своего спутника.

– Джейми, – только и сумела вымолвить я.

Наступила неловкая пауза, но уже через пару секунд Джейми наклонился и чмокнул меня в щеку. Его слегка щетинистая щека коснулась моей, и я на миг уловила запах его волос – сильный и чистый...

– Ой! – вскрикнула Таппенс, потому что зонт сдвинулся и забрызгал ее каплями дождя. Джейми отступил назад, и мы взглянули друг на друга.

– Извини, Никки, это Джейми Доусон, – сказала я.

Никки улыбнулась и пожала ему руку.

– А кто вы такая, я знаю, – обратилась она к Таппенс. – Нам очень приятно, что вы ответили на наше приглашение. Так ведь, Натали?

– Ну да... гм... конечно... – промямлила я.

Никки бросила на меня недоумевающий взгляд, явно не понимая, почему я не в восторге от Полпенни.

А Таппенс растянула свои губы в улыбке, которую, должно быть, посчитала подобающей случаю. Порывистый ветер хлестнул ее по лицу и стряхнул на него с зонта капли влаги. Пара шальных фотографов выскочили из-под навеса на дорогу и сделали несколько снимков; Таппенс повернулась лицом к вспышкам, хотя ее бледная кожа продолжала подрагивать.

– Милый, я не могу допустить, чтобы это платье намочило. Это же винтаж! – прижалась она к Джейми.

– Да, платье у вас очень красивое, – подхватила Никки и тут же задала вопрос: – А откуда вы друг друга знаете?

Я посмотрела на Таппенс и только потом сообразила, что Никки имеет в виду меня и Джейми. Возникла пауза, а затем мы с ним дружно рассмеялись.

– Хотите верьте, хотите нет, – сказал Джейми, – но мы с Натали когда-то собирались пожениться.

При этих словах ноздри Таппенс раздулись, глаза придирчиво впелись в меня, и я смущенно пригладила волосы. А Никки расхохоталась.

– Она дошла со мной до алтаря и... бросила, – договорил Джейми.

Повисшую тишину опять нарушил голос Никки.

– Что-что? Вы это серьезно? Вы не шутите? – забросала она нас вопросами, переводя взгляд с Джейми на меня, а с меня на Джейми.

Я слотнула, пытаясь вернуть себе самообладание:

– Все это было очень давно, и я рада, что ты нашел себе спутницу, Джейми... Вы...

– Да, мы любим друг друга, – ледяным тоном конкретизировала Таппенс. – И Джейми продюсирует мое новое шоу.

– Мне понравился ваш спектакль «Феерия бурлеска» в театре Гаррика, – сказала Никки. – А где вы собираетесь ставить свое новое шоу?

– Здесь, – махнула Таппенс своей тонкой ажурной перчаткой.

Мы с Никки тупо проследили за ее пальцем.

– В «Палладиуме»? – переспросила Никки.

– Да нет же! Здесь! – округлив глаза, повторила Таппенс. И мы поняли, что она тычет пальцем в здание через дорогу, погруженное в темноту и затянутое брезентом.

– Но это же Старая Библиотека. Она уже несколько лет как закрыта, – сказала я.

– Фирма Джейми недавно арендовала ее для бурлескных представлений. Я – его первое шоу, – заявила Таппенс, положив руку Джейми на грудь.

В этот миг у тротуара зарычало подкатившее такси. Джейми открыл его дверцу, и Таппенс, бросив нам через изящное плечико «До свидания», скользнула в салон автомобиля. Джейми закрыл за ней дверцу.

– Вот так так! Значит, ты открываешь театр напротив? – воскликнула я.

– Ну да. Вполне себе подходящее местечко... на время, пока мы не найдем себе крышу получше, – пояснил Джейми.

– Я знаю, что такое временная сцена, – скривилась я.

– А как вы назовете свое детище? – полюбопытствовала Никки.

– «Большой О»¹¹, – ухмыльнулся Джейми.

Мой рот закрылся только после того, как он уселся машину и такси, поморгав нам на прощание своими задними фарами, уехало прочь от нас в дождь.

– Большой О... – повторила Никки. И повернулась ко мне: – Нат, у меня к тебе миллион вопросов...

Но ее отвлек какой-то журналист из «Гардиан», выглянувший из театра, чтобы сверить факты для очередной своей статьи.

– Нат, стой там, где стоишь! Я сейчас вернусь с чем-нибудь горячительным... – бросила мне Никки и шмыгнула в здание.

А я поглядела на Старую Библиотеку через дорогу – мрачно кутавшуюся в выцветший брезент. И, не подумав о льющем дожде, побрела домой по темной улице.

¹¹ The Big O (сленг) – оргазм.

Одинокая форель

Пока я добиралась до дома, дождь лил не переставая. Почти весь Сохо спрятался под тентами магазинов и ресторанов, рассеянных по всей улице. На тротуарах остались только пьяницы да заядлые курильщики. Я была готова расплакаться, но мне совсем не хотелось, чтобы меня кто-нибудь увидел в таком состоянии. Поэтому я всю дорогу шла, низко понурив голову. Обильные потоки дождевой воды неслись с урчанием по водостокам, забрызгивая мои туфли, ноги и подол юбки. В своей оранжевой блузке я ощущала себя насквозь промокшей стюардессой. Хотя вернее было бы меня уподобить одинокой форели, плывшей против течения.

Дойдя до дома, я порылась в сумке в поисках карточки-пропуска и приложила ее к скану на калитке. Калитка с жужжанием и шелканьем открылась, и я поспешила через сад к своей входной двери. Ветер брызнул мне дождем в лицо, но я даже не поморщилась. Отыскав ключ, я вставила его в замок и вошла внутрь.

Температура понизилась, и в квартире было холодно. Дрожа всем телом, я зажгла свет, подошла к крошечной сушилке и включила центральное отопление. С шелчками, лязгом и кряканьем обогреватель заработал. Давно бездельничавший котел фыркнул пылью и наполнил прихожую сухим затхлым запахом. Я бросила сумку на пол, наклонилась, чтобы снять туфли, и взвизгнула, заметив, что в водном потоке на улице подцепила... использованный презерватив. Молочно-белый, он плутовски забился мне в туфлю и пристроился прямо под сводом стопы. Я подскочила и сбросила туфлю. Презерватив выпал из нее и, изогнувшись, улегся на щетину коврика. И тут я наконец расплакалась. Слезы ручьями полились по моему лицу. Я чувствовала себя такой одинокой и такой уродиной! Ведь вернулась я домой после такого напряженного дня не с прекрасным принцем, а с мерзким отработанным гандоном!

Я со злостью вытерла слезы, прошла в ванную и оторвала от рулона туалетной бумаги большущий кусок. Затем вернулась в прихожую, сгребла с пола презерватив и сделала то, чего делать никогда не следует, – я спустила его в унитаз. А потом долго простояла под струйками горячего душа, смывая с себя грязь и пот. После душа я натянула на себя свой огромный мягкий халат и отправилась на кухню. Там я открыла холодильник, достала из него бутылку водки с ледяной корочкой и налила себе половину стакана. И уже хотела отпить первый глоток, как зазвонил домофон.

Стоило мне подумать, что пришел Бенджамин, и мое настроение сразу же поднялось. Увы... На маленьком экране домофона возле холодильника я увидела Никки, съезжившуюся на улице под зонтиком. Я было собралась ее впустить, но потом резко отдернула руку. Позитивный настрой Никки вдруг вызвал у меня отторжение. Мне неохота было выслушивать традиционные фразы о том, что нужно смотреть в будущее и жить настоящим, потому что это подарок свыше. И я не собиралась брать лимоны и готовить из них лимонад. Мне хотелось одного: остаться истинной британкой и предаться страданиям.

Я увидела на экране, как Никки еще раз нажала на кнопку звонка. Потом потопталась еще немного у запертой двери и наконец-то ушла. А я еще пару минут посверлила глазами то место, где она зазря простояла, расстроено наблюдая за тем, как неугомонный дождь окроплял своими каплями домофон. А когда его крошечный черно-белый экран погас, я горестно вздохнула.

Встреча с Джейми заставила меня взглянуть на свою жизнь под другим углом. Или – если уж начистоту – она внезапно показалась мне пустой и никчемной. Впервые я почувствовала себя действительно старой. И осознала собственную смертность.

Пятнадцать лет назад мы с Джейми хотели пожениться. Если бы я решилась на этот шаг, у нас был бы теперь общий дом. И общие воспоминания. У нас мог бы уже подрастать четыр-

надцатилетний ребенок. А, может быть, и несколько детей. И на моем холодильнике висели бы картинки, нарисованные ими в школе. Я встала и поглядела на свой холодильник. На нем висел только один магнитик. Единственная вещь, которую мне за все наше знакомство подарил Бенджамин. На магнитике была изображена фигурка женщины, сидевшей скрестив ноги. А над ней впечатана цитата известного йога по имени Рам Дасс: «Чем тише ты становишься, тем больше слышишь...»

– Разве это не просто вежливый призыв к кому-нибудь заткнуться и слушать? А, Бенджамин? – воскликнула я во весь голос.

И сорвала магнитик. Но холодильник теперь стал совсем голым. А это показалось мне еще хуже. Я покопалась в ящике комода в поисках какой-нибудь замены магнитуку – пускай даже другого магнитика, сувенира из церковной лавки, привезенного из дальней поездки. Но единственными вещичками, которые мне удалось отыскать, оказались старый рецепт на крем от молочницы и рекламная памятка, прихваченная как-то в ресторане. Я прилепила на холодильник меню «Планеты Поппадом», остыла и налила себе еще водки.

Еще через пятнадцать лет мне будет уже пятьдесят – осознала я. Это, конечно, вовсе не старость. Но что мне дала вся прожитая жизнь? Минувшие пятнадцать лет пронеслись стремительно, словно два года. И, похоже, время только убыстряется с возрастом. Я старею. Я убедилась в этом сегодня вечером. А Джейми на вид совсем не постарел. Он только стал еще сексуальнее. И сейчас он встречается с этой Таппенс Полпенни – женщиной моложе меня, являющей собой почти неземную женственность.

На протяжении многих лет я хранила образ Джейми глубоко в подсознании. Жизнь в Лондоне казалась мне сказочной. Я целиком сосредоточилась на карьере и ни о чем не жалела. Но после этого рокового вечера с Райаном Харрисоном и всплывшим из прошлого Джейми волна сожалений нахлынула на меня, захлестнула, как цунами, и начала изводить. И меня это испугало.

Я вышла в прихожую, взяла сумку и вернулась обратно на кухню. Мой мобильник все еще был мертв, и я поставила его на зарядку. Потом достала из сумки ноутбук, включила его и набрала в Фейсбуке «Джейми Доусон». В ответ высветилось тридцать шесть имен.

– Видишь, ты не уникален, – пробормотала я, отхлебнув из стакана водки. Прокрутив имена, я нашла Джейми. На его аватарке было черно-белое фото с претензией на тонкий вкус: Джейми улыбался, стоя против солнца. Но его профиль был доступен только друзьям. Я не часто захожу в Фейсбук. Да, Джейми набивался мне в друзья пару лет тому назад, но я никогда не откликалась. Почему? Да чтоб я знала!

– Я и сейчас не собираюсь тебя зафрендить, – буркнула я улыбочивой аватарке. И вошла в Твиттер. Но там тоже было очень много Джейми Доусонов. У некоторых не было фотографий, только иконки.

– И которая из них твоя? – спросила я, прикончив второй стакан водки и наливая третий.

Потом я попробовала разыскать Джейми в сети Линкедин. К тому моменту я уже прилично распалилась и после долгого маниакального поиска нашла-таки статью из канадской версии «Стейдж»¹².

Оказалось, что Джейми три года занимался театральными постановками в Торонто, а потом еще три года организовывал туры по Канаде и Штатам. Затем он стал художественным директором одного из театров в Ванкувере, а впоследствии учредил успешную продюсерскую фирму в Торонто. Статья заканчивалась его словами:

¹² The Stage – авторитетная британская газета о театре и развлечениях.

«Я всегда буду любить Канаду, и я всегда буду ей благодарен за те удивительные возможности, что она мне открыла. Но Англия – мой дом, и у меня появился шанс утвердиться в лондонском Уэст-Энде».

Джейми не мог не знать, что я руковожу Театром на Равен-стрит. Моя мамуля до сих пор нет-нет да и встречается с его родителями.

Я откинулась на спинку стула. По окну все еще барабанил дождь. Меня снова переполнили эмоции. Больше всего мне растроил душу запах его волос, когда Джейми наклонился, чтобы меня поцеловать... Сочный и теплый, этот аромат обдал меня такой волной счастья и желания, какой я не испытывала уже долгие годы. Я вытерла рукой слезы и подумала: а не позвонить ли мне Шэрон? Но было уже поздно. Эми и Феликс наверняка крепко спали.

Да и я вдруг почувствовала, что хочу спать. Сон заканчивает любой день. И всегда оставляет тебе шанс начать поутру все сначала. Я вспомнила, что в шкафчике в ванной у меня хранилось снотворное. Я прошла туда и выпила одну таблетку, запив ее пригоршней водопроводной воды. К тому моменту, как я поставила на зарядку все, что только подвернулось под руку, вымыла стакан и убрала вещи, я была уже совсем сонной. С трудом дотащившись до спальни, я скользнула под одеяло и моментально погрузилась в забытие.

Распроданы

Проснулась я с лицом, прилипшим к подушке. Перевернувшись на другой бок, я раскрыла глаза и увидела, что уже половина одиннадцатого. Я вылезла из постели и, пошатываясь, побрела на кухню. А там мой взгляд упал на холодильник и висевшую на нем памятку с ресторанным меню. И я сразу же вспомнила все, что случилось накануне вечером. Я включила кофеварку и достала из холодильника пакет молока. Заметив красную лампочку, мигавшую на стационарном телефоне, я нажала на кнопку «прослушать».

«Доброе утро, Натали, – проурчал Бенджамин. – Сейчас девять часов двадцать три минуты. Я звоню узнать, как вчера у вас прошла презентация. Увижу ли я Райана Харрисона на «Бенджи Йоге»? Надеюсь, что да. *Намасте*».

Послышался короткий «пик» – сообщение закончилось. Произнесенное подчеркнуто вежливым тоном, оно сочилось затаенной желчью... пассивно-агрессивно прозвучало и словечко «*намасте*». Бенджамин часто им пользуется. Он употребляет его, когда чего-то хочет. И произносит саркастически, если кто-то делает то, что ему не нравится. Бенджамин даже выкрикивает это словцо перед эякуляцией: «О, да! Натали, да! Я сейчас кончу! *НАМАСТЕ!*»

Расхохотавшись, я вставила капсулу в кофеварку, подошла к ноутбуку и набрала в Гугле слово «намасте» – уточнить его истинный смысл. Википедия истолковала его как «уважительную форму приветствия или прощания, происшедшую от слов «намах» (поклон) и «те» (тебе) и в переводе означающую «Я кланяюсь Божественному в тебе».

– Он читает мне лекции о том, что нужно совершенствовать свою духовную природу, а сам даже не знает настоящего значения этого понятия! – вслух хмыкнула я. И подумала о Джейми. Вот кто действительно умел меня рассмешить и развлечь... А Бенджамин так не может. На самом деле он, похоже, напрочь лишен чувства юмора. А я раньше не сознавала, насколько важно это чувство в отношениях. Однажды я допустила ошибку, показав ему одну серию ситкома «Красиво жить не запретишь»¹³. Бенджамин пришел в ужас, как будто это был неприукрашенный документальный фильм о двух женщинах в индустрии моды.

– Эти люди ужасны, – поморщился он, глядя на экран. – Почему все смеются?

Я тоже рассмеялась вместе со зрителями студии, когда растрепанная Пэтси вылезла из такси в трусах, надетых поверх одежды.

– Это ситком, – пояснила я Бенджамину.

– Но, Натали, – возразил он. – Эти женщины явно злоупотребляют алкоголем или наркотиками... Та, которая повыше...

– Пэтси...

– Да, она потекает во всем этой темноволосой...

– Эдине, – любезно подсказала я. В этот момент на экране Пэтси открыла дверцу такси, и Эдина вывалилась из него спиной на дорогу.

– Да им нужна помощь! Тут не до смеха! – заявил Бенджамин так серьезно, что я снова расхохоталась. Именно тогда я поняла, что невозможно объяснить, почему ты находишь что-то смешным. У тебя либо есть чувство юмора, либо его нет.

«Перезвонить ему сразу?» – поколебалась я. И решила, что сначала надо выпить кофе. И тут же зазвонил стационарный телефон. «Нет, надо с этим покончить», – вздохнула я и сняла трубку.

– О! Алло? Это ты, Натали? – сказала моя мама.

¹³ Absolutely Fabulous (в русской версии также известен как «Ещё по одной» или «Просто фантастика!») – британский ситком, который транслировался на канале BBC в 1992–1996 и 2001–2004 годах.

- Привет, мам, – сказала я.
- Натали, привет! Не ожидала, что получится с тобой поговорить. Я собиралась оставить сообщение.
- Я сегодня не работаю, – пояснила я.
- В трубке повисла тишина.
- Что ж, ладно. Я звоню тебе сказать, что твоя сестра Микки хочет крестить Декстера в его первый день рождения.
- «Как давно в последний раз я разговаривала с мамой! – осознала я. – Неужели Декстеру уже исполняется год?»
- Это будет в воскресенье, через две недели, – продолжила мама.
- Слушай, мам, я действительно здесь очень занята... – пробормотала я.
- Но ты же не работаешь по воскресеньям, Натали? И мы с радостью познакомимся с этим парнишкой Бенджамином, с которым ты встречаешься. И будем счастливы увидеться с тобой, – взмолилась она.
- Не знаю...
- Твоя сестра хочет прислать тебе приглашение как можно скорее. Перья писарей уже заточены.
- Разве Микки не распечатает свои приглашения на принтере?
- Это просто образное выражение, Натали. Мы будем очень рады, если ты приедешь на крестины. Я уже позабыла, как ты выглядишь. И папа по тебе безумно скучает. Твой визит его взбодрит.
- Если я приеду... я подчеркиваю – если... так вот, если я приеду, то только на несколько часов. Мне придется обернуться туда-сюда за один день, – сказала я.
- И ты привезешь с собой Бенджамина, да? – заметно повеселев, спросила мама.
- Я спрошу у него, захочет ли он поехать...
- А он любит трайфл?¹⁴
- Мам, я же только сказала, что спрошу у него, но я не уверена, что он сможет...
- Но ты ведь также спросишь у него, любит ли он трайфл? Я хочу сделать большой, с настоящим заварным кремом, отличным бисквитом. Никаких покупных дамских пальчиков¹⁵.
- Хорошо, – сказала я.
- Как идут дела в театре? – поинтересовалась мама. И я вдруг вспомнила, что билеты на «Макбет» должны были продаваться с девяти утра. Как я могла об этом позабыть? Я поспешила повесить трубку, клятвенно пообещав маме, что дам ей знать о своем приезде или неприезде на крестины.

Я включила мобильник и, схватив ноутбук, зашла на сайт театра. Несколько недель назад мы отправили в Лос-Анджелес фотографа, чтобы он сделал снимок с Райаном для нашей афиши. Постер высветился на экране – Райан с зачесанными назад волосами был запечатлен на нем во весь рост в килте и черных сапогах. Его голый торс был искусно покрыт потом и вымазан грязью (ведь Макбет все-таки сражается), и он смотрел на меня своими пронзительными зелеными глазами. А над его головой было написано:

**ТЕАТР НА РАВЕН-СТРИТ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
РАЙАНА ХАРРИСОНА
В РОЛИ**

¹⁴ Трайфл – блюдо английской кухни, представляющее собой десерт из бисквитного теста, смоченного хересом или вином, с заварным кремом, фруктовым соком или желе и взбитыми сливками. Перечисленные ингредиенты, как правило, расположены в трайфле послойно.

¹⁵ «Дамские пальчики» (также: будуар, савоярди) – бисквитное печенье продолговатой формы, обсыпанное сахаром. Может выступать в качестве ингредиента трайфла.

МАКБЕТА
ОГРАНИЧЕННЫЙ СЕЗОН!
ЗАКАЗЫВАЙТЕ БИЛЕТЫ ПРЯМО СЕЙЧАС !
Только с 1 августа и до 7 сентября

Только я собралась зайти на билетный портал, как зазвонил мой телефон. Это оказалась Никки.

– Нат! Ты живая! Я уже хотела вызвать копов, но потом подумала, что Бенджамин занялся с тобой сексом по телефону...

– Нет, это не в его стиле, – сказала я. – Просто я была очень уставшей и пошла домой... – объяснила я Никки, решив не добавлять, что в тот единственный раз, когда Бенджамин действительно захотел заняться со мной сексом по телефону, он позвонил мне за мой счет.

– Ладно, спишем все на дождь и встречу с бывшим женихом... Ты *видела*, как идет продажа билетов? Это просто зашибись! Билеты на спектакли первых четырех недель были распроданы за два часа!

Я зашла на билетный портал и увидела, что в продаже остались билеты только на несколько последних спектаклей.

– Действительно зашибись! – воскликнула я.

– Я послала тебе по электронной почте ссылки на электронные версии «Хит Уорлд», «Сан», «Гардиан» и «Дейли Мейл»... Во всех газетах хорошие отклики, дорогуша! Встречается, конечно, и треп о том, что приглашение кинозвезд на сцены Уэст-Энда – это дешевое ухищрение, что оно делается исключительно для привлечения внимания... Ну, и прочее бла-бла-бла... Но «Гардиан» процитировала мой ответ на это. У тебя он на экране?

– Подожди, не вешай трубку, – пробубнила я. Потом зашла на свою почту и кликнула по ссылке статью «Гардиан». На экране высветилось несколько фотографий: приезд Райана в театр, его встреча с фанатами, снимки с вечеринки. Актер получился на них великолепно элегантный и шикарный. «Как и театральный бар», – отметила я про себя с удовольствием и начала читать вслух:

– «Райан Харрисон, звезда подростковой драмы «Манхэттен-Бич», прилетел прошлым вечером в Лондон для...»

– Нет, дорогуша! Читай ниже, – перебила меня Никки.

– «Никки Батгейт, PR-менеджер, отметила: “Театры Уэст-Энда нанимают звезд на протяжении многих лет. В мюзикле ‘Чикаго’ играли Келли Осборн, Дэвид Хассельхофф и Джерри Спрингер. А в прошлом году Линдси Лохан завязала пить и тоже залезла на сцену... Райан Харрисон, возможно, и сердцеед, но он учился в Джульярдской школе”», – дочитала я и похвалила Никки:

– Замечательно!

А она взвизгнула так, что я оторвала телефон подальше от уха.

– Что такое?

– Мы распроданы, Нат! Мы распроданы!

Я обновила билетный портал и увидела, что все билеты на наши спектакли выкуплены. И завизжала от радости под стать Никки.

– И это за два часа и четыре минуты! – довольно промурлыкала та. – Это, наверное, рекорд. Пойду и заявлю об этом во всеулышание. Надо будет выпить! Да, Нат?

Закончив разговор с Никки, я просмотрела остальные ссылки. И испытала шок, увидев, во скольких статьях фигурировала Таппенс Полпенни. К некоторым из них даже прилагались фото, на которых она в своем розовом ажурном платье позировала на красной дорожке у входа в мой театр. А на одной из фотографий рядом с Таппенс был запечатлен и Джейми. Они так красиво смотрелись вместе...

Я выключила компьютер, решив порадоваться полной распродаже билетов на «Макбета».

Это воскресное чувство

Все билеты распроданы! Это нужно было отметить! Такой повод! Только вот отметить это радостное событие мне было не с кем. Я позвонила Шэрон, но она как раз собралась повести детей на плавание.

– Приходи к нам завтра на воскресный обед, расскажешь мне обо всем во всех подробностях... – сказала Шэрон и тут же закричала:

– Феликс! А ну, прекрати пинать свою сестру! Меня не волнует, кто первый начал!.. Извини, Нат, мне нужно идти. Увидимся завтра, в час, лады?

Получив отказ Шэрон, я позвонила Бенджамину. Но его телефон переключился на автоответчик. Беззаботно-веселой скороговоркой я наболтала свое сообщение – поинтересовалась, чем он занимается, призналась, что не сумела передать Райану буклет о «Бенджи Йоге», и пообещала сделать это непременно в самое ближайшее время. А потом набрала номер Никки. Но она оказалась занята до конца дня.

Я постирала, убралась в квартире, выбросила несколько засохших растений. И все это с трубкой у уха! Но Бенджамин так и не ответил на мои звонки. К шести я уже умирала от голода. Я открыла бутылку вина и заказала массу блюд из меню индийского ресторанчика, висевшего теперь на моем холодильнике. Повесив трубку, я сразу же поняла, что заказала слишком много еды. И мне в голову пришла сумасшедшая мысль: а не пригласить ли мне на ужин Райана Харрисона? Ему, должно быть, очень одиноко в Лондоне, подумала я. К тому же было бы неплохо узнать его поближе, а заодно и обсудить с ним спектакль. И я смогла бы передать ему буклет «Бенджи Йоги»!

Просмотрев свою электронную почту, я нашла информацию о том, где решил остановиться Райан Харрисон на время своего шестинедельного пребывания в Лондоне. Я записала номер отеля «Лэнгхэм» и имя, под которым он забронировал себе в нем номер: «Сэмюэль Хитклиф».

С минуту я побуравила глазами телефон, а потом решительно набрала номер портье и спросила:

– Могу ли я поговорить с Сэмюэлем Хитклифом?

Возникла пауза.

– А кто его спрашивает? – нараспев произнес портье.

– Это Натали Лав, директор Театра на Равен-стрит, в котором Райан, то есть мистер Хитклиф, работает.

– Подождите, пожалуйста.

Заиграла классическая музыка, а потом в трубке раздался голос актера:

– Аллю?

– Привет! Решила тебя поздравить. Все билеты на «Макбета» распроданы... – затрепетав от волнения, изрекла я.

Опять пауза...

– А кто это говорит?

– Это Натали... Лав... Директор театра... на Равен-стрит...

– Ах да, Натали! Привет! Извини, не узнал. Что случилось?

– Да, в общем-то, ничего. Просто я подумала, что ты здесь, в Лондоне...

В трубке послышался шорох, как будто ее прикрыли рукой. Но до меня донеслись приглушенные голоса. А потом голос Райана стал снова четким:

– Извини, Натали. Ко мне тут заглянул один приятель. Мы уже собрались уходить...

– Да-да, конечно. Я просто позвонила, чтобы поблагодарить тебя за то, что ты – такой известный актер, что все наши билеты раскупили за одно утро...

– Ух ты, здорово! Я так волнуюсь перед премьерным показом... Слушай, Натали, я правда дико извиняюсь, но у нас заказан столик...

– Конечно-конечно, идите. Субботний вечер... я тоже не собираюсь сидеть дома... – соврала я.

Райан попрощался и повесил трубку. Я передернулась от неловкости, пошла и налила себе бокал вина. И включила телевизор – посмотреть, что там идет.

Утром в воскресенье я проснулась рано. От Бенджамина так и не пришло ни одного сообщения, и я решила сходить на его девятичасовой урок.

В половине восьмого я вышла из метро с перекинутым через плечо ковриком для йоги. Улицы были еще тихими и пустынными. Студия «Бенджи Йога» размещается в цокольном этаже высокого административного здания, в нескольких минутах ходьбы от станции Олд-стрит. Я зашла в крошечную дверь и спустилась по ступенькам вниз, в приемную. Ею заведует Лаура. Она работает на Бенджамина уже несколько месяцев. Лауре чуть за двадцать, она довольно костлявая, а ее голова всегда обрита наголо и блестит как бритва. Лицо, уши и бог знает какие еще части тела Лауры усеяны пирсингом. И мне всегда хочется спросить эту девушку, что происходит, когда ей приходится проходить через металлодетектор в аэропорту. Да только Лаура походит на человека, которому подобный вопрос не может показаться смешным. Я терпеть ее не могу, и, по-моему, мое чувство взаимно.

Когда я вошла, в приемной витал сильный запах какого-то благовония, а из колонок разносились мистические звуки ситара. Лаура сидела за столом, блуждая по Сети в довольно стареньком компьютере iMac. На задней стороне плоского монитора – так, чтобы ее видели посетители, – была приклеена цитата: «*На руке, дарящей розы, всегда остается их аромат*» – *Махатма Ганди*. Однако рука Лауры ковырлялась в пакете с луковыми чипсами, совсем не пахшими розами.

– Натали, – скривилась она при моем появлении.

Я положила ей на стол банкноту в двадцать фунтов.

– Доброе утро, Лаура! Бенджамин здесь? – поинтересовалась я у девушки с натужной улыбкой.

Рукой, покрытой желтыми татуировками бабочек и воняющей луком, Лаура протянула мне пятерку сдачи.

– Естественно, он здесь, – процедила она. – Это же «Бенджи Йога». А какая «Бенджи Йога» без Бенджамина?

Я уже была готова вцепиться в нее, как вдруг Лаура бросила взгляд через мое плечо и, почтительно склонив голову, произнесла:

– *Намасте!*

За моей спиной нарисовался Бенджамин в черном махровом халате.

– Привет, – сказала я ему.

– *Намасте*, Натали, – отозвался Бенджамин, приподняв бровь.

– Да-да, конечно, *намасте*, – пробормотала я и демонстративно его поцеловала.

Бенджамин вскинул голову и повел ноздрями.

– Это луковые чипсы Лауры, – тут же наябедничала я.

– Да нет... Эта музыка... Она чудесна! Отличный выбор, Лаура! – похвалил девушку Бенджамин.

Та улыбнулась и снова склонила перед ним свою бритую тыкву. На макушке у Лауры я заметила синий лейкопластырь. Наверное, она поранилась бритвой, когда соскабливала волосы.

– Бенджамин, я могу с тобой поговорить всего пару минут? – спросила я.

Он кивнул, и мы прошли по коридору в большой зал с зеркалами на одной из стен. Несколько упорных завсегдатаев уже расстелили на полу свои коврики и разминались перед занятием. Пока мы проходили мимо, они все дружно кланялись Бенджамину. Наконец, мы вошли в крохотную комнатенку в углу, служившую Бенджамину кабинетом. Я прикрыла дверь, а он уселся за «рабочий» стол.

– Ты получил мои сообщения? – поинтересовалась я, присев напротив.

– Получил... – ответил Бенджамин и замолчал.

– Немногословное объяснение, почему ты не перезвонил мне. Ты не находишь? – пошла я в атаку.

– Натали, ты бываешь слишком воинственной, – произнес Бенджамин.

– Я... воинственной?! А ты... Ты ведешь себя по-свински!

– Натали, мне бы не хотелось разговаривать на повышенных тонах в храме йоги, – заявил Бенджамин с раздражающим спокойствием в голосе.

Я сделала глубокий вдох.

– Я не повышаю голос... Это все из-за буклета? Но я хочу передать его Райану Харрисону. Просто не смогла это сделать во время вечеринки...

Бенджамин уставился на меня:

– *Намасте*, Натали! Ты дала мне слово.

– Да, и я собираюсь...

– Я когда-нибудь просил тебя о чем-то?

– Да. На днях ты попросил у меня кетчуп, когда мы ели чипсы...

– Я не расположен выслушивать твои ребяческие глупости, – буркнул Бенджамин. – Мне нужно подготовиться к уроку. Ступай в зал, – указал он мне на дверь тыльной стороной руки. Я хотела было еще что-то сказать, но Бенджамин откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Я встала и вышла в зал. Внутри меня все бушевало. Я не ожидала, что Бенджамин окажется таким идиотом. Заняв свое обычное место впереди, я раскатала коврик. Вскоре весь зал наполнился почитателями йоги. И без двух минут девять нам уже стало тесно, как селедкам в бочке. Перед самым началом урока в зал вошли и расстелили перед всеми свои коврики две очень красивые девушки не старше двадцати лет. Одна – блондинка, другая – брюнетка. Только они разделись до бикини, как в зале появился Бенджамин.

– Добро пожаловать, дамы, – поприветствовал он их, и глаза его загорелись. – Вижу, что вы новенькие. Поэтому буду за вами приглядывать.

Девушки хихикнули и тряхнули своими гривами. Бенджамин встал перед ними и сбросил халат, оставшись в одних черных трусах танга.

Обычно Бенджамин надевал на урок спортивную одежду... Как и все его ученики. Но чтобы *танга*?!!

Я испытала неподдельный шок, но не успела это прокомментировать – начался урок. Я несколько раз пыталась перехватить взгляд Бенджамина и задать ему глазами немой вопрос: какого лешего он нацепил на себя такие трусы? Ведь в них явственно проглядывали очертания его причиндалов спереди, а когда он повернулся, чтобы открыть окно длинной палкой, узкая полоска ткани просто исчезла между булками его голой задницы...

Но Бенджамин игнорировал меня на протяжении всего урока. Зато неоднократно подходил к двум девушкам в откровенных бикини и объяснял суть той или иной асаны или помогал им отстраивать свое тело, кладя руку на их бедра.

После урока я пошла принять душ и чуть не закипела от злости под струями теплой воды – я услышала, как эти девушки хихикали в раздевалке над тем, каким горячим парнем оказался их учитель йоги... Но я сумела взять в себя в руки и, обождав, пока они покинут раздевалку, проскользнула туда из душевой.

Переодевшись, я нашла Бенджамин в его кабинете. Он снова облачился в махровый халат и энергично стучал по клавише своего компьютера.

– Ты все еще здесь, Натали? – встретил он меня странным вопросом.

– Бенджамин, зачем ты напялил трусы танга? – спросила я, сев напротив.

– Что?

– Ну этот треугольник с ниточкой на заднице!

– Что-что? – вроде бы искренне смутился Бенджамин.

– Что значит что? Ты бы еще совсем обнажился!

– Натали, во многих культурах йогой принято заниматься обнаженными...

– Но мы в Лондоне. А ты вырядился под стать одному из ребят из «Супер Майка»¹⁶. Что годится для стриптизеров, не подходит...

– Спортивные шорты стесняют мои движения, – постарался оправдаться Бенджамин.

– А почему ты не поправлял мои позы? – спросила я.

– Твои позы были идеальными.

– Это не так! Я умышленно горбила спину в позиции «собака мордой вниз».

– Неужели?

– Да! А ты вообще не смотрел на меня! Наверное, эти две девицы в бикини были для тебя важнее...

– Натали, они же – новенькие. Ты разве не помнишь, как ты сама начинала? Мне постоянно приходилось отстраивать твои позы.

– Помню! С этого у нас все и началось, разве не так? И я попала на твой крючок, как последняя дуреха... Скажи, ты – настоящий учитель йоги или для тебя это только способ пикапа?

Бенджамин откинулся на спинку кресла и смерил меня колким взглядом.

– Извини, я вовсе не это хотела сказать, – поспешила я пойти на попятную. – Ты очень хороший учитель йоги!

– Я думаю, тебе лучше пойти домой, Натали. В данный момент мне не нравится твоя энергетика, – произнес Бенджамин.

– Ну, извини, правда! Слушай, а давай пойдем и выпьем кофе, а? У меня куча новостей. Наши билеты были...

– Натали, у меня еще один урок.

– Тогда, может, ты пойдешь со мной на обед к Шэрон? – спросила я. Бенджамин помотал головой.

– А как насчет того, чтобы встретиться вечером? – не сдалась я.

Бенджамин ничего не ответил.

– Позвонишь мне, ладно? – попросила я.

Он кивнул. Я подхватила свою сумку и вышла из его кабинета.

На выходе Лаура проводила меня жуткой улыбкой – с застрявшими в зубах крошками луковых чипсов.

– На-та-а-ли-и!!! – воскликнул нараспев муж Шэрон Фред, распахнув передо мной входную дверь.

Фред – низкорослый, смуглый, с вечно нечесанными волосами и теплыми глазами карамельного цвета. Он – итальянец. Дед и бабка Фреда переехали в Лондон после войны. У Фреда не такой заметный акцент, как у его отца, но он неизменно восклицает «На-та-а-ли-и» при каждой встрече со мной.

¹⁶ «Супер Майк» – американская комедийная драма 2012 года о буднях мужского стриптиз-клуба.

Я поцеловала Фреда в щеку и последовала за ним в столовую. Застекленная дверь была открыта настежь, и по кухне игриво носился теплый ветерок. Шэрон суетливо накрывала на стол.

– Привет, Нат, – чмокнула она меня на пути к холодильнику. – Хочешь бокал розового вина?

– Хочу. И, по правде говоря, больше, чем что-либо еще... – ответила я.

– Вот те раз! – удивился Фред, забрав из рук жены охлажденную бутылку новозеландского розового вина и вонзая в пробку штопор.

– ЭМИ! ФЕЛИКС! Через десять минут будем обедать! – прокричала Шэрон. Из глубины гостиной до меня донеслись звуки компьютерной игры и мычания в знак согласия.

– Бенджамин не придет? – спросила Шэрон.

– Гм, нет, – промямлила я.

Я уже давно перестала извиняться, и Шэрон с Фредом не ждали от меня никаких оправданий. Да и стол был накрыт на пятерых. Они правильно предугадали, что Бенджамин не появится.

Тут послышался приятный хлопок откупориваемой бутылки, Фред налил вино в три бокала и передал два из них мне и Шэрон.

– Ваше здоровье! – сказал он, и мы чокнулись.

Опустошив свой бокал залпом, я рассказала им о презентации в театре и своей неожиданной встрече с Джейми.

– Джейми Доусоном? – переспросила Шэрон.

– Ну да, – подтвердила я.

– Он же встречается с Таппенс Полпенни... похожей на британскую...

– Диту фон Тиз, да-да, – договорила я за подругу.

– Господи, как же не вовремя я подцепила вшей!.. – всплеснула руками Шэрон.

– Эта Таппенс Полпенни – довольно милая штучка. Все эти кружева и подвески... – ухмыльнулся Фред.

– Придержи язычок, муженек, – осадила его Шэрон, энергично мешая салат двумя длинными пластиковыми ложками.

– Что? – наигранно возмутился Фред. – Тебе, значит, можно любоваться в кладовке фотками Райана Харрисона, а мне нельзя отдать должное округлостям мисс Полпенни? Вот оно – семейное равноправие!

– Нельзя! – резанула Шэрон. – По одной простой причине: увлечения женщин более романтичны и изысканны. Если бы Райан Харрисон вошел сюда сейчас, я бы предложила ему салат и бокал превосходного вина... А если бы сюда заявила Таппенс, ты бы стал поедать ее глазами, распустил слюни и начал без конца поправлять свои брюки...

– Нет-нет. Я всегда веду себя прилично, – запротестовал Фред. – И брюки мне становятся тесны только рядом с тобой. – Он наклонился и поцеловал Шэрон.

Я посмотрела на супругов с толикой зависти: они столько лет вместе и все еще так любят друг друга! Шэрон усмехнулась мне и поставила салат на стол.

– Джейми сильно изменился за прошедшие годы? – спросила она.

– О, он по-прежнему выглядит замечательно. Как выдержанное марочное вино. Годы ему к лицу, – сказала я.

– Фреду тоже, он только краше становится, – рассмеялась Шэрон, погладив лысину на темноволосой макушке мужа.

– А то! Тебе несказанно повезло выскочить за меня замуж! – улыбнулся Фред.

Я усмехнулась и кивнула.

– А ты когда-нибудь жалела, что не вышла замуж за Джейми? – спросила Шэрон.

– Господи, да нет! Нет... Нет-нет-нет-нет... – протараторила я и отхлебнула вина.

Воцарилась неловкая пауза.

– Ладно, по-моему, пора обедать, – прервала ее Шэрон.

Мне всегда нравилось обедать у Шэрон, но в это воскресенье я чувствовала себя у нее в гостях не в своей тарелке. Разговор о Джейми и о том, что могло бы быть, но не случилось, заставил меня взглянуть на ее счастливую семью в другом свете. Шэрон и Фред составляли такой крепкий, любящий маленький союз. В их присутствии мне никогда раньше не было неловко. Но в этот раз было иначе.

После того как мы покончили с холодными мясными закусками, сырным ассорти и салатом, я извинилась и поднялась на второй этаж в ванную. И там, открыв оба крана, позвонила на мобильный Бенджамин. К моему удивлению, он ответил.

– Привет, – сказала я, прикрыв ладонью телефон.

– Ты что, у моря? – спросил он.

Я завернула краны.

– Нет, я в ванной Шэрон.

– Сидишь на толчке? Вообще-то это неуважительно по отношению ко мне, Натали.

– Я сижу не на толчке, а на краю ванной, крутя краны, – сказала я и тут же пожалела об этом. Потому что получилось, будто мне пришлось спрятаться, чтобы с ним поговорить. – Звоню узнать, что ты собираешься делать вечером, – добавила я.

– Ничего, – сказал Бенджамин.

– Отлично. Не хочешь заехать ко мне? Закажем суши, можем посмотреть фильм, который тебе нравится. У меня есть DVD с «Ганди»...

– Нет, я не хочу сегодня ничего такого. Мне нужно поразмыслить. Помедитировать.

– Поразмыслить о чем? – с надеждой уточнила я.

– Натали, что это за западная одержимость все время что-то делать и ставить перед собой конкретные цели?

– Но ты же сказал...

– Натали, я – свободный человек. Ты должна была это понять, как только вступила со мной в отношения...

– Я хотела спросить тебя вечером кое о чем. Но раз ты занят ничегонеделанием, придется мне задать тебе этот вопрос прямо сейчас. Как ты смотришь на то, чтобы поехать со мной на крестины к Микки?

– Я думал, что твоей сестре под тридцать.

– Это крестины ее сына Декстера, – пояснила я.

Помолчав, Бенджамин произнес:

– Натали, ты же знаешь – я презираю традиционную религию.

– Но речь ведь не о религии как таковой. Там просто соберутся люди среднего класса – похвастаться своими отпрысками.

– Прекрасно, – сказал Бенджамин.

– Что прекрасно?

– Я поеду на крестины.

– Правда? – переспросила я, потрясенная.

– Конечно, Натали. Мы же взрослые люди. У нас взрослые отношения. А взрослые люди ведут себя именно так.

– Вот это да... спасибо тебе. То есть я имела в виду – это здорово. И если ты захочешь заняться тем, чем иногда занимаются взрослые, я могу приехать к тебе после этого обеда... И до твоего ничегонеделания мы сможем...

– Натали, пожалуйста, дай мне немного отдохнуть! Не лишай меня свободы. *Намасте*, – и Бенджамин прервал разговор.

Я выключила краны и быстро написала победное сообщение мамуле:

Я ПРИЕДУ НА КРЕСТИНЫ С БЕНДЖАМИНОМ. С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ СВОЕЙ ВСТРЕЧИ С ВАМИ И ВАШЕЙ С НИМ:)

НАТ и смайлик «поцелуй»

P.S ЗАБЫЛА СПРОСИТЬ ПРО ТРАЙФЛ. ВЫЯСНЮ.

Я услышала, как Шэрон внизу попросила кого-то из своих чад позвать меня на десерт. Вымыв руки, я вышла из ванной. Эми и Феликс шустро отскочили в сторону – они подслушивали под дверью!

– Приветик, что вы тут вдвоем замышляете? – спросила я.

Эми схватила меня руками за талию и сжала в объятиях.

– Мы вас очень любим, тетя Нат... Правда, Феликс? – сказала она.

Феликс мудро ей поддакнул.

– Я тоже вас обоих люблю, – заверила я ребят.

– А Бенджамин вас не стоит, – добавила Эми. – Мы слышали ваш разговор по телефону.

– У него явная боязнь разбирательств, – глубокомысленно поддакнул ей Феликс.

– Не разбирательств, Феликс, мама сказала, что он боится обязательств, – поправила брата Эми.

– А что тогда такое «разбирательство»?

– Разбирательство было в суде, когда наш странный сосед убил свою жену. А обязательство у человека появляется, когда он вступает с кем-то в отношения, – объяснила Эми. – Бенджамин боится серьезных отношений с тетей Нат. И в этом нет ее вины. А Бенджамин хочет, чтобы она чувствовала себя виноватой. Вот что такое боязнь обязательств.

Я посмотрела на девочку, пораженная ее пронизательностью и зрелостью.

– Но Бенджамин только что согласился поехать со мной на крестины племянника, – сказала я, сознавая, что добиваюсь одобрения у двух детей восьми и десяти лет.

– Мама считает, что Бенджамин – мерзкий тип, – сказал Феликс. – Мы слышали, как она говорила это папе. А еще она сказала, что вы думаете, будто не достаточно хороши для него. Но на самом деле вы лучше его...

– Мама также сказала, что вам не следует бояться одиночества и поддерживать с ним отношения только потому, что вы не хотите остаться одной... – добавила Эми.

У подножия лестницы показалась Шэрон.

– Вот вы где! Кто хочет «Павлову»?¹⁷

– Я-я-я-я-я! – наперебой завопили дети и бросились вниз по лестнице.

– А ты, Нат?

– С удовольствием съем кусочек... И выпью еще вина, – сказала я.

Я ушла из гостей ранним вечером. Подождав, пока я попрощалась с Фредом и детьми, Шэрон пошла меня провожать до двери.

– Еще раз спасибо тебе за обед, – приобняла я подругу. – Бенджамин согласился поехать на крестины Декстера. Он собирается познакомиться с моей семьей.

– Это замечательно, – сказала Шэрон. – Не прошло и года, да? Долго он решался!

– Одиннадцать с половиной месяцев... Тебе нравится Бенджамин? – Шэрон открыла рот, но почти сразу закрыла его. – Только скажи мне честно, пожалуйста, – добавила я.

Шэрон вышла на крыльцо и плотно прикрыла за собой дверь.

¹⁷ Торт безе со взбитыми сливками и фруктами, созданный австралийскими кондитерами более века назад в честь талантливой русской балерины Анны Павловой.

– Нат! Кого бы ты ни полюбила, я твой выбор приму. Или постараюсь... Просто я считаю, что Бенджамин... Я думаю, что он...

– Мерзкий тип, который боится обязательств?

– Я, должно быть, ляпнула это сгоряча... – неловко потупившись, сказала Шэрон. – Но если серьезно, я считаю, что ты завидная невеста для любого мужчины, Нат. Ты умная, веселая и такая преданная. Ты – моя лучшая подруга. И я тебе желаю только самого лучшего. Но вот лучший ли Бенджамин? В этом я совсем не уверена.

– Он может быть совершенно другим, когда я предоставляю ему свободу... И он по-другому смотрит на мир...

– Послушай, Нат. Если ты охомутаешь Бенджамина, я тебя поддержу. И полюблю его, раз ты его любишь. Черт возьми, он даже сможет с детьми посидеть!

Я улыбнулась.

– У меня к тебе еще вопрос, – сменила тему разговора Шэрон. – Когда ты познакомишь меня с Райаном Харрисоном?

– Завтра мы начинаем репетировать, – сказала я. – Дай мне пережить этот первый день, и потом я что-нибудь придумаю. Я тебе обещаю.

– Я тебя люблю! – заключила меня в объятия Шэрон.

Пока я добиралась до вокзала, в моей голове все время прокручивались слова Шэрон...

«Если ты охомутаешь Бенджамина, я тебя поддержу».

Может быть, это было не так уж и трудно. Может, мне так и следовало поступить. Смириться, не брыкаться и в конце концов рискнуть. Согласие Бенджамина поехать на крестины было настоящим прорывом. И если бы там все прошло гладко, я смогла бы затащить его к Шэрон на воскресный обед и мы бы посидели с её детьми!

По возвращении домой я приняла решение. Я сходила в душ, побрила ноги, выпрямила волосы и придала себе неотразимый вид – надела лучшее белье и все такое. А затем положила в свою сумку зубную щетку и запасной комплект нижнего белья на случай, если все получится и я останусь у Бенджамина на ночь. Потом вышла на улицу, села в метро и поехала к нему.

Всю дорогу в метро я думала о том, что я скажу Бенджамину. Наверное, мне стоило сказать ему, что я поддаюсь спонтанному порыву – эти слова могли бы открыть путь к его сердцу. Другой вариант – сказать, что я проехала через весь город ради одного его поцелуя, а после этого поцелуя готова уйти. Бенджамин не сможет устоять и выдворить меня за порог!

С подзуживавшей меня уверенностью я вышла из поезда на станции Кольерс-Вуд и пошла пешком до квартиры Бенджамина. Он жил на первом этаже дома неподалеку от станции метро, в районе, являвшем собой замечательный образчик новомодного стиля шебби-шик, где на каждом шагу были магазинчики с натуральными продуктами и художественные галереи. Остановившись у входной двери нужного мне дома, я покосилась на окна Бенджамина. Жалюзи на них были опущены. Но за ними поблескивал свет. Я нажала на кнопку звонка. Прошло несколько секунд. Я позвонила снова. Прошла еще минута, и мои уши уловили доносившиеся из квартиры Бенджамина звуки ситара – такие тягуче-подрагивающие и такие завораживающие!

Я направилась к эркерному окну его гостиной. Деревянные жалюзи были опущены, но не равномерно. И посередине между их ламелями зияла пятисантиметровая брешь. Я присела на карниз и заглянула внутрь. И... ахнула от потрясения. Бенджамин лежал голый на полу гостиной, а верхом на нем сидела – тоже голая – Лаура! Я не только разглядела ее лицо. Я еще увидела ее пирсинги на голых, бесстыжих сиськах и еще три пирсинга на том месте между ее ног, где скрывался напряженный штопор Бенджамина.

Не в силах отвернуть голову, я смотрела, как они занимаются сексом. Я видела мерцавшие вокруг них свечи, я слышала сливавшиеся в экстазе стоны и противное клацанье пирсин-

гов Лауры – как будто кто-то позвякивал мелочью в карманах своих штанов. Их движения становились все быстрее, а потом я подпрыгнула, потому что Бенджамин закричал «*НАМАСТЕ!*».

Я встала, не зная, что делать. Меня одновременно душили и злость, и отчаяние, и недоумение. Я побрела по тропинке к дороге, а дойдя до ворот, повернула обратно во двор. Подошла к входной двери и, вонзив палец в кнопку звонка, надавила на нее что было силы. И не отпускала, пока в гостиной не загорелся яркий свет. Наконец дверь распахнулась, и на пороге вырос Бенджамин в своем домашнем халате.

– Натали... *намасте*, – пробормотал он.

Потом осмотрел меня с ног до головы, задержав взгляд на моей короткой юбке и каблучках. И на слишком большой сумке. А я совершенно растерялась и не нашла ничего лучшего, как взвизгнуть под стать своей матери:

– Как ты думаешь, что ты сейчас делаешь?

Бенджамин, похоже, рассвирепел.

– Как что? Я медитирую, Натали. Я говорил тебе, что буду медитировать. Почему ты не считаешься с моими желаниями? Почему ты ведешь себя так пассивно-агрессивно?

– Кто? Я?

– А кто же еще! Говорю тебе, я медитирую. Мне нужны тишина и спокойствие, а ты заявляешься ко мне без предупреждения, да еще разодетая настолько провокационно, чтобы я не смог сказать «нет» и был вынужден тебя впустить в квартиру. Но ты просчиталась, дорогуша. Я не собираюсь потворствовать твоему пассивно-агрессивному поведению! – повысил голос Бенджамин.

А у меня от такого заявления отвисла челюсть.

– Мне просто захотелось тебя повидать... – пропищала я.

– А мне просто хочется немного личного пространства. Может быть, я хочу побыть один. – Он уставился на меня, и я напрочь лишилась слов. Я попыталась что-то сказать, но из моего рта не вырвалось ни единого звука.

– Пока еще светло. Садись на метро и возвращайся домой. А из дома пришли мне эсэм-эску, что добралась благополучно, договорились? – сказал Бенджамин.

Он улыбнулся и закрыл дверь. Я постояла под ней немного, но вся моя энергия предательски улетучилась.

Побежденная и сокрушенная, я вернулась к станции метро, села в поезд и поехала домой.

Женщина в черном

Я вернулась к себе, легла в полной темноте в постель и уставилась в потолок. Мой дом очень тихий; никаких журчащих и булькающих звуков, которые обычно издают трубы в стенах, когда по ним течёт вода, в моей квартире никогда не слышалось. Вот и на этот раз – время шло, а трубы хранили молчание, и до моих ушей доносилось только равномерное тиканье часов на кухне. Я постаралась убедить себя в том, что просто нарисовала в своём воображении секс Бенджамина и Лауры. Но гадкая сцена упорно не хотела исчезать из моей памяти.

В итоге я провела бессонную ночь, пытаюсь понять: почему? Что есть такого у Лауры, чего нет у меня? Татуировки и пирсинги... А что есть у меня, чего нет у Лауры? Волосы. Я прокручивала эти мысли в голове снова и снова... Это и есть то, чего хочет Бенджамин?

Я попробовала представить себя обритой наголо... Нет, я никогда не решусь на такой шаг добровольно! А все эти пирсинги на теле? Сколько раз я цеплялась заусеницами за плед! Обо всех этих металлических финтифлюшках на нежной коже нечего было и думать.

Я обрадовалась наступлению утра и возможности снова сосредоточиться на работе. Предстояла первая репетиция «Макбета». Я отправилась в театр и по дороге заскочила в «Гранде». А там встретила Никки. На ней был брючный костюм цвета электрик, отлично сочетающиеся с ним синие туфли на шпильках и синие очки.

– Нет, котик, возьми ручку и запиши... – пристала она к новому баристе, который ещё не успел узнать её кофейные пристрастия. – Колумбийский кофе без кофеина с соевым молоком, без пенки, двадцать граммов сиропа из фундука, для топпинга немножко соевых сливок с напылением какао-пудры. И когда будете кипятить соевое молоко, *медленно* всыпьте в него вот этот сахарозаменитель, – Никки вручила маленький пакетик баристе, лоб которого обильно смочился капельками пота.

Парень только кивнул ей в ответ.

– А мне обычный маленький «американо», – поспешила я облегчить участь бедолаге.

– Привет, Нат, – распахнула мне свои объятия Никки. – Я сегодня в синем прикиде, а ты сама вся синяя.

– Мне просто не удалось толком поспать, – пояснила я.

– Тебе не стоит переживать о том, как сегодня всё пройдет... это будет замечательно, – сказала она.

Бариста передал ей большую кружку кофе, и Никки, приподняв свои очки, вперила в неё пристальный взгляд. И тут я осознала: я заиклилась на Бенджамине, когда вокруг происходило столько гораздо более впечатляющих событий! Почему я стала уделять столько внимания ему и нашим неблагоприятным отношениям?

Никки заявила, что она довольна кофе. Я схватила свой «американо», и мы направились в театр. У Старой Библиотеки я на мгновение остановилась. На краю тротуара стоял контейнер для крупногабаритного мусора, и несколько рабочих в касках энергично заполняли его через брешь в выцветшем брезенте, закрывавшем все здание. Я попыталась заглянуть внутрь.

– Дорогуша, это подождёт, – сказала Никки и показала пальцем на здание через дорогу: – Сейчас нам надо в Театр на Равен-стрит.

Около главного входа в наш театр толпились, поёживаясь, репортёры. А чуть в сторонке перетаптывались самые стойкие фанаты Райана Харрисона. Среди них были совсем юные девчонки, пара слащавых стариков и худой манерный парень, опиравшийся на ручки инвалидного кресла-каталки, в котором сидела небольшая светловолосая девушка. Они вежливо посторожились, давая нам пройти.

– Когда приедет Райан? – поинтересовался худосочный паренёк.

– Понятия не имею. Я – всего лишь уборщица, – соврала Никки, открывая дверь.

Возле худощавого паренька с креслом-каталкой звезду поджидали милостивая девочка лет двенадцати, не больше, и ее мама. Полнотелая и пышногрудая родительница в коротком, явно маловатом ей красном платье бесцеремонно схватила меня за руку:

– Бетани хочет подарить Райану Харрисону мягкую игрушку... – Толстуха подтолкнула локтем дочь.

Девочка протянула мне маленького плюшевого медвежонка, сжимавшего в лапах сердечко. И её лицо расплылось в беззубой умоляющей улыбке.

– Хорошо, – взяла я игрушку. – Я обязательно передам её актёру.

– Спасибо! – благодарно оскалилась Бетани.

Я вошла в фойе театра, где меня поджидала Никки.

– Нат, дорогуша! Не связывайся ты с сумасшедшими! – сказала она.

– Но эта девочка такая милая! – возразила я.

– Половина девятого утра, будний день, а она стоит в Сохо. А как же школа?

– Может, она завернула сюда по дороге в школу, – допустила я.

– Поверь мне, Нат, они такие же сумасшедшие, как и все остальные.

– Но ты глянь! – заспорила я. – Вон тот худой паренёк привёз свою подругу в кресле-каталке. Она сжимает в руках альбом для автографов.

Никки кинула взгляд сквозь стеклянную дверь и округлила глаза:

– Да это избитый трюк – привезти подругу в инвалидном кресле...

– Никки!!!

– Что Никки? Я четыре раза общалась с Брюсом Спрингстином¹⁸. И знаешь как? Благодаря Конни Бувье...

– А кто такая Конни Бувье? – спросила я.

– Одна школьница в инвалидной коляске... Мы выследили Брюса во время его тура «Рожденный в США»... Нам даже удалось попасть в его гримерку. И никто не приставал к нам с вопросами, когда я толкала перед собой коляску с Конни. Все фанаты сумасшедшие, Нат! Запомни это!

Я опустила глаза на очаровательного маленького плюшевого медвежонка и последовала за Никки вверх по лестнице.

Сбор был назначен на половину девятого в репетиционном зале на четвертом этаже. Зал этот большой, с высокими потолками и без лишней мебели. Паркетный пол сверкает под лампами дневного света. А ряд окон на одной из стен покрашен черным цветом.

Когда мы вошли, Байрон, режиссер, расставляла посередине зала складные стулья в большой полукруг. Она кивнула нам в знак приветствия. На Байрон была надета футболка с принтом ZZ Top¹⁹, аккуратно заправленная в вареные джинсы с высокой посадкой. А свои серопепельные волосы, которые у нее длиной до талии, Байрон завязала на этот раз в хвост.

Нам очень повезло, что она согласилась ставить у нас «Макбета». Байрон – серьезная, деловая и требовательная режиссер. Родом она из Новой Зеландии. Но за ее плечами – огромный опыт. Она успела поработать во всех театрах Уэст-Энда.

В углу зала мы заметили Ксандера. Он ставил кипятивник на стол с пластиковыми чашками, чайными пакетиками и растворимым кофе. Парень сразу подошел к нам и похвастался клетчатый жилетом, который он специально надел по такому знаменательному случаю. Сле-

¹⁸ Американский автор-исполнитель и лидер группы EStreetBand; известен благодаря своим рок-песням с поэтичными текстами, основной темой которых является его родина, Нью-Джерси. 20-кратный лауреат премии «Грэмми», обладатель премии «Оскар», двух «Золотых глобусов» и специальной премии «Тони».

¹⁹ Культовая американская блюз-рок-группа, основанная в 1969 г. в Хьюстоне, шт. Техас. Стиль – блюз-рок с элементами буги-вуги и хард-рока; тексты песен в подавляющем большинстве несерьезны.

дом за нами в зал вошел наш режиссер-постановщик Крейг – низкорослый, темноволосый и довольно импозантный на вид мужчина, с озорным чувством юмора. Когда он смеется, а делает он это частенько, все его лицо оживает. Он, как и Байрон, – один из лучших профи в своем деле и поставил нам массу достойных спектаклей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.